

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

**ПАНИКА-
UPGRADE**

КРОВЬ
ДРЕВНИХ

БОЕВАЯ
ФАНТАС-
ТИКА

Александр Владимирович Мазин
Паника-upgrade. Кровь древних
Серия «Паника-upgrade», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165066
Паника-upgrade. Кровь Древних.: АСТ; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-047153-9

Аннотация

Олегу Саянову в жизни повезло. Невезучие люди обычно не в состоянии покупать острова в тропиках. Однако удача – дама весьма привередливая. Счастливому хозяину тропического чуда очень скоро предстоит в этом убедиться. Ожившие мифы, подлинно языческая смерть и исконно животная страсть в великолепном и безжалостном мире, где право на жизнь может дать только одно – истинная кровь Древних.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	26
Глава четвертая	30
Глава пятая	42
Глава шестая	54
Глава седьмая	65
Глава восьмая	74
Глава девятая	79
Глава десятая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Мазин

Паника-upgrade.

Кровь Древних

*Голос флейты остёр и тонок.
Кудри бога в смоле.
«Помолись за меня, Мадонна!
Страсть мою пожалей!»*

*Голос флейты упруг и резок.
Щеки бога в пыли...
«Потрудись за меня, Железо,
Если мало молитв!»¹*

*Отчего ты все дуешь в трубу, молодой человек?
Не прилечь тебе лучше в гробу, молодой человек?²*

Часть первая

Кровь Древних

Глава первая

Черная удача Олега Саянова

Удача возникла у ворот Олега Саянова славным апрельским утром. Удача прибыла на кроваво-красном «порше».

Удача была двусмысленной, как улыбка сутенера. Тот сорт удачи, который не часто еще встречался в жизни Олега Саянова с тех пор, как он имел глупость поселиться на Рублевке.

Зачем понадобилось Олегу Рублевское шоссе, он и сам не знал. Серьезный и успешный ученый, Олег Саянов был далек от дешевого тщеславия и примитивных понтов. Возможно, это был жест, призванный доказать старшему брату, что он, Олег, тоже кое-чего добился в этой жизни.

У Саянова-старшего дома на Рублевском шоссе не было. У него был пентхауз в центре Москвы. Брата звали Тенгиз Тенгизович. Но несмотря на экзотическое имя-отчество Саянов-старший был русским. Просто в их семье старшим сыновьям всегда давали имя Тенгиз. То есть на самом деле настоящим именем было не Тенгиз, а Тенгус, но настоящее родовое имя Саяновых не следовало знать всем подряд. Поче-

му?

А Бог знает... Семейная традиция. Поэтому – Тенгиз. Их отца тоже звали Тенгизом Тенгизовичем. А деда – Тенгизом Ивановичем. Потому что прадед был не первым, а вторым сыном. Прадед Иван Саянов приехал в Москву откуда-то из Сибири. Может – с Алтая. Иван Саянов не любил об этом говорить. Что-то нехорошее случилось с ним и его родными в суровые годы Гражданской войны. Такое, что он, Иван Саянов, остался последним в роду. И умер очень рано. Но сына родить успел. Тенгиза Ивановича Саянова, Олегова деда.

Кроме родового имени, в семье из поколения в поколение передавалась невероятно гибкая сабля в сафьяновых ножнах, которую можно было при желании использовать вместо пояса, и «семейное» искусство рукопашного и сабельного боя. Искусство «наследовалось» всеми сыновьями, сабля, естественно, старшим.

Так что Олегу заполучить семейную реликвию не светило. Но своя сабля у него тоже была. Превосходный клинок, очень похожий на фамильный раритет. Саблю подарил дед. Внуку на пятидесятителетие – к ужасу невестки и жгучей зависти одноклассников.

Но отнять у Олега грозное оружие никто не посмел. С дедом в их семье не спорили, ибо дед был – глыба. Орел-полковник, объездивший полмира (это в советские-то времена!), с кучей всевозможных наград, которые никогда не

носил. Он-то и обучал Олега семейному воинскому искусству. Вполне успешно обучал.

Олег вообще был способным парнем. Веселым и жизнерадостным, походя овладевавшим всевозможными вершинами. Лет до семнадцати он считал себя воином, с восемнадцати до двадцати двух – поэтом и прожигателем жизни, а на последнем курсе университета всерьез увлекся наукой, которая и стала его профессией.

Дед умер три года назад. В Африке. Подхватил там какую-то злую инфекцию. Тело привез брат Олега. В закрытом гробу. Похоронили полковника рядом с женой, которая умерла намного раньше. На похоронах было очень много народу. Родственники, друзья семьи, коллеги... Олег обратил внимание на группу немолодых неприметных мужчин, которых никогда прежде не видел. На их венке было написано: «Другу и наставнику». Однако в ресторане, который арендовал брат для поминок, их уже не было.

Смерть деда была горем для всех Саяновых. Отец неделю на работу не ходил, брат был чернее тучи...

Олегу перенести утрату помогла работа. В лаборатории он забывал обо всем.

Вообще, к удивлению родственников, ученый из Олега Саянова получился вполне преуспевающий. Он читал лекции в дюжине университетов, написал больше двухсот статей и стал счастливым обладателем тринадцати патентов, двенадцать из которых интересовали исключительно коллег док-

тора Саянова, зато тринадцатый после трехмесячного аукциона был куплен корпорацией «Кемикл Индастри» за девять с половиной миллионов евро.

Внезапно разбогатевший Олег Саянов сказал как-то своему брату, что желает вложить пару-тройку миллионов европейских дензнаков в кусок земли на берегу какого-нибудь теплого моря. И вот – пожалуйста.

– Давай, – одобрил братец. – Цены растут. Вкладывай, пока все не профукал.

То есть братец Олега использовал куда более циничное слово. Тенгиз Саянов не был деликатным человеком. Зато он был очень богат. А с тех пор, как стал президентом какой-то нефтяной корпорации в одной Богом забытой африканской стране, так и вовсе превратился в финансового магната. К младшему брату он всегда относился свысока. Как и положено старшему и очень богатому брату относиться к младшему и бедному. Сравнительно бедному.

Надо отметить, что к моменту, когда у ворот саяновского особнячка остановился упомянутый «порше», большая часть заработанных миллионов уже уплыла со счета Саянова-младшего.

Не то чтобы он их прокутил... Изрядная часть все-таки была потрачена не впустую. Например, на этот особнячок. Но Саянов-старший привык обращаться с деньгами иначе. Деньги должны приносить деньги, считал он. И предложил младшему инвестировать денежки в одно из своих предпри-

ятий. Нет, наживаться на брате он не собирался. Просто полагал, что тот с *такими* деньгами обращаться не умеет. Надо помочь. Впрочем, когда Олег отказался, брат не настаивал. А когда потребовалось – помог. Конкретно.

Удача на красном «порше» прибыла к Олегу Саянову именно с подачи брата.

Удача была черной. Но не полностью. Зубы у удачи были белые. И костюм тоже. Белый костюм – пусть и не эксклюзив от известного кутюрье, но очень хорошего покроя. Звали удачу Винченцо Винченца. По-русски он говорил с французским акцентом, а по-английски – с калифорнийским. То есть произношение у элегантного мусью было хреновое. Зато его предложение показалось Олегу весьма неплохим.

– Мсье, – сказал темнокожий парень в белом костюме, улыбаясь во все тридцать два зуба, – не хотите ли купить остров, мсье?

– Хоть целый архипелаг! – откликнулся Саянов.

Но гость не шутил. Да, он действительно предлагает господину Саянову остров. И цена этого острова просто смехотворна.

– Почему же тогда остров еще не продан? – поинтересовался Олег.

Потому что, согласно завещанию покойного владельца, покупатель должен быть обязательно русским, неженатым, бездетным, ростом не менее шести футов, не младше тридцати семи лет... Воспроизведение всего перечня заняло у

черно-белого Винченцы минуты четыре. Отбарабанено было без запинки. Олег запомнил примерно треть. Но и этой трети было достаточно, чтобы понять: мсье Винченце пришлось повозиться, прежде чем он отыскал подходящую кандидатуру. Сначала, впрочем, кандидатом в покупатели был Олегов братец. Но Винценца не знал, что у братца имеется сынишка двадцати двух лет. Правда, рожденный вне брака. Тем не менее Саянов-старший из списка кандидатов выпал. А вот его младший брат вписался в перечень идеально.

– Вы подходите превосходно! – сверкнул белыми зубами мсье Винченца.

– Допустим, – не стал спорил Олег. – Вопрос: подойдет ли мне цена?

– О! Цена подойдет непременно! – обрадовался Винченца.

Цена действительно оказалась смешной.

Настолько смешной, что Олег мгновенно заподозрил розыгрыш.

– И где же он расположен, этот остров? – поинтересовался он.

Винченца распахнул тонкий, как картонная папка, ноутбук и продемонстрировал Саянову рекламный ролик.

С первой же минуты Олегу стало ясно, почему Винченца вышел на старшего братца. Заветный остров располагался в девяноста милях от побережья той самой богатой пустынями и нефтью африканской страны, в жизни которой Тенгиз

Саянов принимал живейшее участие.

Но продаваемый остров казался настоящим раем. По крайней мере – на видео. Два пресных источника, тропическая зелень, великолепный риф...

Однако Олег знал, как делаются такие фильмы. При известном навыке три чахлая дерева можно превратить в настоящие джунгли.

Посредник угадал его мысли:

– Не желаете ли взглянуть собственными глазами?

– Желаю! – ответил Саянов.

– Когда вам будет удобно? – осведомился Винченца.

– Немедленно!

К удовольствию Олега, такая реакция ничуть не смутила посредника.

– Превосходно, – кивнул он. – Я могу позаботиться о билетах.

– Действуйте.

Олег Саянов был легок на подъем.

Через двадцать шесть часов Олег глядел из иллюминатора гидроплана на крохотное зеленое пятнышко в бесконечной сини.

– Он не так мал, как кажется сверху! – заметил Винченца. – Две с половиной мили в поперечнике, триста футов над высшей точкой прилива, благоустроенный дом, прекрасно оборудованный причал...

– Довольно! – поднял руку Олег. – Думаю, что он мне подходит. Если только... «Это не шутка!» – добавил он мысленно.

– Если – что? – Посредник являл собой внимание и терпение.

– Ничего, – сказал Саянов. – Нельзя ли взглянуть поближе?

– Разумеется. Мы сейчас приводимся. Остров называется Козий Танец. Но вы, мсье, вправе дать ему другое имя.

«Конечно я дам ему другое имя, – подумал Олег. „Козий Танец“ слишком отдает трагедией!³»

Олег Саянов был не только ученым, но и эрудитом.

Через полтора месяца все документы были оформлены, и Олег Саянов стал официальным владельцем десяти квадратных километров тропического рая.

Но посетить свое приобретение Олегу удалось только через полгода. Дела.

³ Трагедия: буквальный перевод – козлиная песнь. По факту – приношения козла на Дионисийских играх в Древней Греции. Кстати, сам бог Дионис появлялся на данном мероприятии именно в виде козла. Или сатира. Сатиров тоже называли козлами. Далее следовали самозабвенные пляски и ритуальные совокупления. Еще одна деталь: мужчины на дионисии не допускались.

Глава вторая

Суровые шутки в тропическом раю

Сине-белый, смахивающий на дирижабль катер Винченцы совершил красивый разворот, взревел двигателем и понесся прочь, подпрыгивая на длинных волнах.

Собственный катер Олега выглядел скромнее, однако в его мореходных качествах Саянов не сомневался. Стоит завести мотор – и через три часа он на континенте.

Но это случится не скоро. Не раньше чем через пару недель.

Эх, хорошо!

От избытка чувств Олег пронзительно свистнул.

Птичья мелочь в зарослях, обступивших лагуну, ответила возмущенным бедламом.

Молодая сука-нюфаундленд, которую Олег приобрел шесть месяцев назад, поглядела на хозяина укоризненно. Ее розовый в черных пятнах язык свешивался из пасти на добрых полметра: жарко!

У псицы было роскошное имя Лунгфрида, но Олег звал ее запросто – Лушкой. Псица откликнулась.

Зеленый курчавый склон полого поднимался вверх за белой полосой пляжа. Снизу было хорошо видно место, где заросли прорезала козья тропа.

Олег потрепал собаку по черной голове, скомандовал:

– Лушка! Вперед! Марш!

Псина команду проигнорировала.

– Ну как хочешь, – не стал настаивать Саянов и зашагал к деревьям.

Лушка фыркнула, вскочила и, обогнав хозяина, затрусила впереди. Лохматый хвост ее, победно задранный вверх, почему-то вызвал в памяти Олега слово «тотем».

Подъем занял минут пятнадцать. Просторное бунгало обосновалось на каменном фундаменте точнехонько на макушке острова. Ее верхушку украшала тарелка ТВ и антенна спутниковой связи. Олег не планировал радикального уединения. Он намеревался чередовать отдых с работой, а работа требовала доступа в Интернет и профессионального общения. Кроме того, Саянов был уверен, что очень скоро ему потребуется женское общество, а чтобы приглашать в гости, нужно иметь возможность отправить приглашение.

С трех сторон дом окружал буйный тропический лес. С четвертой деревья были вырублены – и можно было увидеть сверкающую в лучах утреннего солнца поверхность океана.

«Я должен видеть восход!» – заявил Саянов посреднику.

Теперь с востока тропическое солнце било прямо в стеклянную стену бунгало.

«Возможно, я был неправ, – подумал Олег. – Впрочем, здесь все растет быстро».

Бунгало было со всеми удобствами. Водопровод, электричество, кондиционер. Электричество, в основном, бесплат-

ное – от солнечных батарей и заряжаемых ими аккумуляторов. При необходимости можно было запустить дизель. Сейчас он был выключен. Для питания электроники и морозильных камер хватало энергии тропического солнца.

Ящики с имуществом громоздились в холле. Едва взглянув на них, Олег понял, что у него нет ни малейшего желания заниматься разборкой.

– Почему бы вам не подождать до вечера? – сказал им Саянов.

Деревья подступали к самому дому. Стены недавно чистили от растительности, но упрямые ползуны уже карабкались обратно. На дверях и окнах не было москитных сеток. Винченца утверждал: ни ядовитых змей, ни кусачих насекомых. Рай, одним словом!

Шесть троп расходились от вершины вниз. Возможно, их было больше, но одну или две скрыла мешанина поваленных деревьев.

Ни ядовитых змей, ни хищников. Самые крупные животные – козы. Говорят, они размножаются как саранча... Похоже, прежний владелец не давал им особенно расплодиться: до сих пор Саянов не встретил ни одной. Но следы попадались. Так что винтовку Олег прихватил не зря.

– Пошли, подруга, – сказал Саянов вертящейся вокруг псице и, прихватив из забитого под завязку холодильника пару банок пива, двинул к западному берегу острова.

Через полмили он подумал: зря не взял мачете. Вокруг –

сплошные заросли. Однако тропка была вполне проходима, и возвращаться Олег не стал.

Прямо на тропу перед ним с дерева слетел попугай. В точности такой, какой жил у прошлогодней подружки Саянова Ленки. Тот попугай умел изощренно материться, а выпущенный из клетки, прицельно гадил на головы гостям.

– Привет, ублюдок! – сказал ему Олег. – Давно не виделись.

Попугай изучил человека поочередно сначала правым, потом левым глазом, пробормотал что-то невежливое и с шумом взлетел.

Олег поглядел на Лушку, разрывающуюся между врожденной благовоспитанностью и желанием сцапать нахальную птицу, и расхохотался.

– Можно, – сказал он, трепля ее по холке. – Здесь всё можно.

Западный берег острова ниспадал к океану двумя отвесными террасами. Широкий пляж был совершенно открыт безжалостному солнцу. Голубая, пронизанная белым огнем толща воды откатывалась, густея, к затуманенному горизонту. Линия прибоя изгибалась подобием натянутого лука. Метрах в двухстах от песчаного пляжа, разрывая стеклянную пленку и гася инерцию океанских валов, скалились каменные зубы – белые клыки утонувшего чудовища.

Тропа упиралась прямо в край обрыва. До плоского, поросшего травой карниза было метра два с половиной.

«Назад?» – мелькнула мысль.

Но Саянов не поддался и смело сиганул с откоса.

Лушка наверху жалобно заскулила.

– Марш, марш, малышка! – крикнул снизу Олег.

И собака, решившись, неуклюже соскочила вниз. Саянов стиснул ее слюнявую морду и поцеловал черный нос. Трава под ногами была мягкая, как ковер. Олег снял сандалии. Лушка, вспахивая носом сухие теплые стебли, трусила впереди. Солнце слепило Олегу глаза даже сквозь темные очки.

Вдруг сука оглушительно залаяла. Саянов увидел, как она прыжками мчится назад.

– Ну, тихо, тихо, – проворчал он, когда псина заплясала вокруг, захлебываясь от возбуждения.

Саянов насторожился. Поднимать шум – совсем не в характере воспитанной Лушки.

Собака прихватила зубами кисть хозяина, потянула за собой.

Через минуту Саянов обнаружил причину ее беспокойства. В белой стене обрыва, полуприкрытая его тенью, зияла огромная дыра.

Пещера.

Лушка остановилась и истерически залаяла прямо в черный зев. «Черт возьми! – подумал Олег. – Да она поджала хвост!»

– Лушка, успокойся! – ласково проговорил Саянов. – Вот уж не думал, что у тебя клауст...

И тут Саянов увидел, как шерсть на загривке собаки встает дыбом, а глаза загораются рубиновым огнем.

– О черт! – пробормотал Саянов, непроизвольно напрягаясь. – Кого ты учуяла, девочка?

Но Лушка так же неожиданно успокоилась, подняла морду к Саянову, часто и шумно дыша.

– Не пойдем! – пообещал ей Олег. – Во всяком случае, без фонаря и карабина.

Он сделал шаг – и оказался в тени. Из пещеры пахло прохладой, камнем и, совсем слабо, каким-то животным... Нет, даже не животным, а непонятно чем. Саянов шагнул еще раз – и оказался под сводом. Он мог стоять выпрямившись, и оставалось еще около полуметра свободного пространства над головой. После ослепительного дня глубина пещеры была крошечным мраком.

Саянову *не хотелось* идти дальше!

Он попятился. И ощутил облегчение, когда оказался снаружи.

Трава перед входом была вытоптана, и Саянов с удивлением признал в следах отпечатки козьих копыт. Пещерные козы? Ха! Отличная шутка!

Океан лежал внизу, гладкий, как шелковая простыня.

«Мой бассейн!» – подумал Олег, глядя на цепь скал. И риф! Здесь должен быть потрясающий дайвинг.

Винченца сказал: акулы сюда никогда не заплывают.

Не то чтобы Олег боялся акул, но мысль о том, что где-то

рядом плавают нечто, способное отхватить тебе яйца вместе с ногами, была неприятна.

Еще через сотню шагов они с Лушкой наткнулись на вполне приличный спуск. Саянову пришлось снова надеть сандалии: песок был раскаленный.

Олег искупался, потом, устроившись в тени, выпил банку пива – и улегся на живот, глядя на собаку, прыгающую на мелководье. Брызги взлетали фонтанами: Лушка охотилась за рыбой.

«Завтра распакую акваланг и компрессор, – подумал Олег. – А сегодня можно понырять просто так, с маской и трубкой».

Возвратились они часа через три. Олег вскрыл для собаки банку тушенки, а сам удовольствовался холодной пиццей и пивом. Потом отправился в ванную – смыть соль.

Для такого бунгало ванна была просто роскошная. Вот только вода из бака на крыше – слишком теплая.

«Надо будет включить дизель и накачать холодной», – подумал Олег, вытираясь.

Прямо напротив в стену было встроено зеркало. Оно отражало загорелого мускулистого мужчину, выглядящего моложе своих тридцати пяти. Олег Саянов старался быть в форме и беспощадно боролся с то и дело нарождающимся «ученым» брюшком. Так что весил он всего восемьдесят килограммов. Совсем неплохо для его сложения и роста.

На соседней стене, над раковиной, висело еще одно зеркало, поменьше. Саянов брился, одновременно изучая собственную физиономию. Многие находили ее привлекательной. Хотя унаследованный от бабушки-ингерманландки курносый нос, на взгляд Олега, слегка подпортил его мужественную физиономию.

Впрочем, для мужчины внешность – не главное. Главное – что?.. Неправильно! Главное – интеллект!

Олег ухмыльнулся сам себе и поправил не совсем ровно висевшее зеркало.

Из-под зеркала в раковину слетел лист бумаги. Саянов поднял его, стряхнув капли воды.

На листе жирными красными чернилами было написано единственное слово:

БЕРЕГИСЬ

Саянов засмеялся. Он любил шутки. Поэтому засунул бумагу обратно и вернул зеркало в первоначальное состояние. Маленький сюрприз для гостей.

В отличном настроении Олег вернулся в гостиную. Однако веселость его тут же развеялась: Олег вспомнил, что сейчас придется разбирать ящики.

Начал он с бытовых вещей, и спустя пару часов комнаты бунгало приобрели вполне жилой вид. Саянов даже не по-

ленился развесить фотографии: деда, родителей, брата, свои собственные – в разных местах и обществах. В окружении знакомых лиц Олег чувствовал себя веселее.

После предметов быта Олег занялся книгами. И проводил с ними до темноты.

Когда стемнело, Саянов запустил дизель и зажег свет. Компьютер и прочую электронику он решил пока не трогать. Дело долгое. Утром, еще с материка, Саянов послал брату сообщение, что у него все в порядке. Тот, соответственно, передаст родителям. А больше об Олеге беспокоиться некому.

Саянов бродил по дому в старых вылинявших шортах и перекладывал с места на место вынутые из ящиков вещи. Лушка валялась на просторном диване и внимательно следила за хозяином. Иногда она вскакивала и лезла помогать. Птицы за окнами перестали горланить, и за дело принялись ночные насекомые. Впрочем, шум этот был приятнее, чем визг разгулявшихся гостей на вечеринке у соседа.

Стало прохладнее, и Олег закрыл окна в спальне, кроме выходящего на крышу, включил музыку и растянулся на кровати с коленкоровым томом римской истории Гиббона. Повышать, так сказать, свой культурный уровень.

Однако читать Саянов не смог. Потому что вдруг в полной мере ощутил себя единственным человеком на сотни километров вокруг.

Это будоражило.

Саянов прошелся по дому, выключил свет везде, кроме ванной, и встал у окна. Там была тьма...

Захлебывающийся собачий лай вышиб Олега из задумчивости. Он вздрогнул, мгновенно обернулся... Но Лушка уже выскочила из комнаты. В холле раздался треск, лай сменился таким свирепым рычанием, какого Саянов еще не слышал у своей собаки. Потом – звук удара. Визг. Снова удар... Саянов стряхнул с себя оцепенение, схватил первое, что попало под руку, и бросился в холл. Больше всего он боялся услышать выстрел!

Выстрела не было. Гулко хлопнула дверь. Саянов щелкнул выключателем.

Лушка лежала на боку. Глаза ее были закрыты, голова окровавлена. В холле было пусто. Входная дверь, поскрипывая, раскачивалась на петлях. В стекле ее отражался прыгающий электрический свет.

Отбросив то, что сжимал в руке (прут для раздвигания штор), Олег опустился рядом с собакой. И с радостью обнаружил, что она жива.

Олег раздвинул окровавленную шерсть. Лушка вздрогнула и заскулила. Рана была своеобразная: с головы собаки был сорван кожаный лоскут длиной сантиметров пять. Но череп остался цел.

Олегу никогда прежде не приходилось лечить собачьи раны, но он предположил, что человеческое лечение вполне подойдет.

Лушка стойко перенесла обработку. Теперь можно было заняться остальным. Первым делом Саянов запер дверь: стекла – не слишком надежная защита, но преодоление их создает много шума. Так-так... Значит, на *своем* острове Саянов не одинок. Губы Олега искривила усмешка. Это *его* остров! И Саянов вправе сурово наказать всякого, кто вторгается без спросу на его землю! Незванный гость очень пожалеет, что покалечил Лушку.

Ящик с оружием стоял тут же, в холле. Саянов днем не успел до него добраться.

Все еще усмехаясь, Олег сорвал пломбы и, открыв замок, откинул крышку.

Улыбка сползла с его лица.

Олег тупо глядел внутрь на завернутые в вощеную бумагу железные прутья. Оружия не было. Не было карабина и дробовика. Не было обоих пистолетов. И мачете. Отсутствовало даже пневматическое ружье для подводной охоты. Патронов, разумеется, тоже не было.

Чертов Винченца! Наверняка без него не обошлось.

Саянова охватила ярость. И тут он вспомнил, что так и не смог отыскать среди кухонной утвари большого ножа.

О черт! Он гол, как червяк. Тот, кто это устроил, неплохо потрудился.

Саянов ударил кулаком в стену так, что ушиб костяшки. Боль потушила ярость.

Олег вернулся в спальню, сел на кровать и задумался.

Какие могли быть варианты?

Самый простой: его попросту ограбили. Винченца или кто-нибудь еще...

Тогда это – проблема чисто финансовая. Завтра он свяжется с поставщиком и закажет все заново. Или съездит на материк и купит сам. Да, так даже лучше. И еще имеет смысл позвонить брату. Пусть подключит кого надо, чтобы у здешней полиции не возникало дурацких вопросов.

Еще один вариант: кое-кто хочет от него избавиться... Нет, маловероятно. Если бы Саянова хотели убить, то это можно было бы запросто сделать, пока он валялся на пляже...

Тут Олег вспомнил о бумажке в ванной.

Третий вариант. Кто-то решил над ним подшутить. И изъясил оружие, чтобы Саянов не пристрелил шутника. И теперь этот шутник болтается по острову и думает, что бы еще такое отмочить. Кстати, этот вариант вполне в стиле его старшего братца. Нанял кого-нибудь – и пошутил. С его возможностями не так уж сложно изъять из ящика оружие. Хотя бы в здешнем аэропорту. А Олег проявил беспечность и не проверил сразу.

Ну да, на братца похоже. Олег представил важную физиономию Тенгиза.

«Проверка бдительности, братишка. Которую ты не прошел. Надо серьезнее относиться к собственной безопасности, Олежек. Помни, чей ты брат. Ударят в меня, а попадут

по тебе».

Сам Тенгиз даже в сортир не ходит без пары охранников.

Точно. Нанял какого-нибудь шутника и теперь прикалывается.

Ладно. Олег тоже любит шутки. Завтра он встанет пораньше, возьмет Лушку, выследит шутника и выяснит, откуда у этой шутки растут ноги.

Глава третья

Мертвая птица

Саянов проснулся от звона разбитого стекла.

В комнату вбежала Лушка. Ткнулась мокрой мордой в лицо.

Саянов поднялся. Зажег лампу.

Лушка с глухим рычанием обнюхивала что-то, лежавшее среди длинных сверкающих осколков.

Олег сунул ноги в сандалии (у него не было ни малейшего желания ходить по стеклу босиком) и подошел к собаке. Лушка звонко гавкнула.

На полу лежала мертвая птица. Побольше голубя. Яркий комок окровавленных перьев. Головка серая, с черным хохолком и красным изогнутым клювом. Крохотный черный глаз подернут мутной пленкой.

«Козы живут в пещерах, а дневные птицы летают по ночам, – подумал Олег. – И разбивают окна».

Он взглянул на свою руку: ладонь была в крови. Что-то странное было во всем этом... Что-то несообразное...

Саянов еще раз осмотрел птицу, и его осенило! Тельце было холодным! И длинный разрез, пересекающий зеленую спинку, – не кровоточил. А ведь кровь на перьях была свежей!

Саянов выругался, вышвырнул трупик в разбитое окно и

поспешил в ванную: эта кровь жгла его кожу!

Розовая вода заструилась по белому фаянсу.

Из комнаты донесся оглушительный лай. И снова – звон стекла.

Саянов выскочил из ванной... Не успел. Собака была уже снаружи.

Бросившись к окну, Олег услышал удаляющийся лай.

– Лушка, назад! Ко мне! – закричал он.

Но голос собаки уже потерялся во тьме.

Олег кинулся к двери... Но вовремя остановился. Плохая идея.

Саянов вернулся в спальню, сел на кровать, провел по лицу мокрыми ладонями.

Для начала надо успокоиться. Потом – прокрутить в уме все происшедшее, подробность за подробностью.

Саянов осторожно поднял с пола длинный осколок. Стекло было в четверть дюйма толщиной. Какой силой нужно обладать, чтобы разбить его птичьим трупиком, весящим от силы граммов триста?

Хотя почему он решил, что стекло разбито птичьим трупиком? Его могли сначала разбить, а уж потом забросить птичку...

Олег стащил с подушки наволочку, обмотал ею широкий конец стеклянного осколка. Какое ни есть, а оружие.

Саянов подошел к окну. На торчащих из рамы стеклянных зазубринах остались клочки черной шерсти.

– Лушка! Лушка!

Никакого ответа.

Надо идти искать. Но сначала – поискать какое-нибудь более толковое оружие, чем кусок стекла. Что-нибудь острое...

О черт! Как же он не вспомнил раньше?

Саянов бросился в холл. Из груды не разобранных еще ящиков выволок один, тяжеленный, укрепленный жестью, – с оборудованием для дайвинга.

Сабельный клинок был закреплен изнутри, между деревом и жестяным листом. Его можно было бы провезти и официально, но, наученный опытом (пару раз клинок уже пытались прибрать алчные таможенники), Саянов решил его припрятать. Какое, однако, мудрое решение!

Рукоять лежала в другом ящике, среди сувениров, безделушек и прочей ерунды.

Саянов вставил хвостовик в паз, закрепил штифты и сразу почувствовал себя увереннее. Слегка изогнутый темный клинок. Дымчатый рисунок на темном металле...

«Ты у меня обгадишься до самого подбородка!» – посулил он своему недругу.

А когда оказалось, что фонари тоже на месте, Олег и вовсе воспрял духом.

Он решил не дожидаться рассвета. Ночь больше не пугала.

Из трех фонарей Саянов выбрал самый большой, длинный, тяжелый, с зарядом на три часа. В случае чего такой

фонарь сам мог послужить неплохим оружием.

Но сначала следовало кое-что проверить. Связь.

Что ж, этого следовало ожидать. Связи не было. Существовала небольшая вероятность, что недоступен спутник. Но Олег на это не очень рассчитывал. Надо бы проверить катер: нет ли и там какого-нибудь неприятного сюрприза?

Но катером он займется завтра. А сейчас надо искать Лушку.

Глава четвертая

Смерть и наслаждение

Олег знал, куда убежала собака. Так что теперь он уверенно двинулся по тропе, ведущей к западному берегу. Мощный пучок света выхватывал из темноты шагов десять живого коридора. В синеватом свете фонаря зелень листьев приобрела странный «бумажный» оттенок. Пронизанная сетью лиан крыша листвы над головой Олега лишь кое-где прорывалась, чтобы пропустить лучик одинокой звезды.

Все чувства Саянова были напряжены. Слух его ловил и исследовал шорохи, пытаясь выделить из них звук человеческих шагов. Свет фонаря прыгал с одного места на другое, и привлеченные им ночные насекомые шуршащей метелью вились внутри электрического «цилиндра».

Саблю Олег держал в левой руке. Злость его утихла, и он надеялся, что не придется пустить оружие в ход по-настоящему. Олег никогда не использовал оружие против человека, но знал, на что способен этот клинок.

Дед говорил, что такой саблей можно перерубить железный прут в палец толщиной. Олег не проверял. Жалел клинок. А вот тренировочный муляж Саянов рассекал от плеча до пояса.

Олег остановился.

Поперек тропы лежало дерево. Обрывки лиан свисали с

соседних стволов там, где крона упавшего дерева была вырвана из общей растительной массы. Саянов совершенно точно знал: днем тропа была свободна.

Олег перехватил саблю в правую руку, осторожно приблизился.

Разглядеть что-либо в мешанине смятых ветвей было невозможно. Но Саянову показалось: он уловил какое-то движение.

Олег остановился в двух шагах и направил луч на подозрительное место.

– Я тебя вижу! – рявкнул он. – У тебя два варианта: вылезешь сам или я выну тебя по частям!

Ветви зашевелились. Олег приготовился...

И челюсть его отвалилась. Меньше всего он ожидал увидеть подобное.

Всё что угодно. Спецназовца в боевой «раскраске», негра с дубинкой...

В шести шагах от Олега, прикрыв ладонью глаза, скрытая по пояс в зелени упавшего дерева, стояла обнаженная девушка. Причем девушка настолько красивая, что Олег сразу понял: это не может быть ловушкой. Мелькнула мысль, что братец решил сделать ему сюрприз. И сейчас из джунглей вывалит пьяная толпа весельчаков во главе с Тенгизом Саяновым...

Никто не появился.

Девушка прикрывала глаза ладошкой. Она была велико-

лепна. Осанка принцессы, золотые вьющиеся волосы – почти до пояса, плечи и грудь... Нет слов.

Саянов опустил саблю. Следовало бы отвести луч фонаря, но Олег растерялся, не мог заставить себя оторвать взгляд от красавицы. Аж в жар бросило. Хотя ничего удивительного. Тропики как-никак.

Чем дольше он смотрел на девушку, тем более совершенной она ему казалась.

Еще ему казалось, что она смотрит на него сквозь щель между пальцами...

Олег наконец отвел луч в сторону.

– Простите, меня, леди... – пробормотал он по-английски. – Ваше появление несколько... неожиданно.

Девушка не ответила. Может, она боится? Очень может быть... Здоровенный мужик с саблей в руке...

– Не надо меня бояться, – произнес Олег как можно убедительнее. – Я не причиню вам зла. Позвольте мне помочь вам... – проговорил он, – леди...

Потом, сообразив, наклонился, чтобы положить саблю на землю, и на какое-то мгновение отвел глаза от красавицы...

Положить оружие он не успел. Боковым зрением Олег поймал стремительное движение: тело девушки вертикально взлетело вверх, словно подброшенное трамплином.

Саянов отшатнулся, но недостаточно быстро. Девушка прыгнула прямо на него. Что-то острое полоснуло по ноге. Олег вскрикнул от боли. Толчок отшвырнул его назад. Са-

янов взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Выбитый фонарь вылетел из пальцев, крутясь, выхватывая из тьмы куски зеленых лесных стен. Короткий пронзительный визг резанул уши Олега за мгновение до того, как он грохнулся навзничь и основательно приложился затылком...

Очнулся Олег, вероятно, через несколько минут. Спина ныла. Никто его не трогал, и вокруг, если не считать цвирканья насекомых и скрежещущих звуков неизвестного происхождения, было тихо. Олег сел. На затылке вспух желвак, но голова не кружилась. И кости, похоже, целы. Ущерб невелик. Несколько синяков и царапин.

Фонарь упал в заросли, но, к счастью, не погас. Иначе бы Олегу его нипочем не найти.

Повезло. А куда подевалась ночная фея? Неужели сбежала?

Нет, она не убежала.

Она была здесь. Саянов сразу увидел ее, едва направил луч на тропу.

Она тоже лежала на спине, как Олег – минуту назад. Но ей было уже не подняться. Клинок Саянова вошел чуть выше подвздошной кости, прочертил глубокую борозду в живой плоти и вышел под левой грудью, оставив алую черту снизу, на безупречном полушарии. Острый, как бритвенное лезвие, клинок вошел в брюшную полость не меньше чем на ладонь. Саянов не был врачом, но все равно сразу сообразил: только мгновенный перенос в хорошо оснащенную клинику мог бы

спасти девушку.

И тут, к ужасу своему, Олег обнаружил, что раненая – в сознании.

Огромные прекрасные глаза, полные муки, глядели прямо на Саянова... Однако он мог бы поклясться: девушка его не видит.

«О черт! – подумал он. – Ведь я ее убил!»

Острая боль в собственной ноге отвлекла его. Он посветил вниз.

На подъеме его правой ноги – рваная, обильно кровоточащая рана! Чем это она?

Круг света сместился, и Саянов понял, чем нанесена рана.

Бедра девушки, длинные, гладкие, с округлыми выпуклостями мышц, плавно сужались к коленям, а от колен...

Ниже колен ее кожу покрывал нежный светлый пух. Как у двухнедельного котенка. На икрах, которые более подошли бы мужчине-атлету, пух был гуще, чем на голенях. Пуховый покров обрывался над лодыжками, и пятка была вполне человеческой, а вот стопа...

Она была не плоской, а округлой, совсем маленькой, не длиннее пятнадцати сантиметров. И заканчивалась не пальцами, а аккуратным копытцем. Цвета слоновой кости, раздвоенные, заостренные копытца глянцево блестели в луче фонаря. На кончиках одного из них была кровь. Скорее всего, кровь Олега.

Световой круг скользнул вверх, от колен к безупречному

телу, изуродованному ударом клинка. Трава под ним покраснела от крови, но кровотечение было слишком слабым, принимая во внимание размер и глубину раны. Сознание Саянова механически отметило этот факт. Будь рядом больница...

Но здесь это только продлит агонию.

– Прости, малышка, – с раскаянием по-русски пробормотал Олег. – Я не хотел!

«Вот они – „kozy“, которые живут в пещерах! – подумал он. – Чертов Винченца! Он должен был меня предупредить!»

– Что же я могу сделать для тебя, малышка? – проговорил он, наклоняясь над ней.

Только теперь Саянов заметил, что остановившиеся зрочки девушки не круглые, а стреловидные, вертикальные. Как у кошки.

Ей, наверное, очень больно.

В доме осталась аптечка. Там есть какие-то анальгетики...

– Потерпи, девочка, – произнес он, коснувшись ее руки. – Сейчас я попробую что-нибудь придумать...

– Не трогать!!!

Саянов подскочил. Сабля будто сама собой оказалась снова в его руке. Развернувшись так быстро, что едва не потерял равновесие, Саянов направил фонарь... и увидел еще одну женщину.

Она была старше раненой. Но у нее были такие же прекрасные лицо и тело. Только волосы – не вьющиеся, с золотом, а прямые и почти белые.

Как и первая, эта тоже была совершенно обнаженной. И так же прикрывала глаза от луча фонаря. Трава скрывала ноги женщины почти до колен, но он заметил тот же мягкий пух и мог бы поклясться, что эти длинные сильные ноги оканчиваются острыми копытами.

– Убери свет! – повелительно произнесла женщина.

– Ты говоришь по-русски? – изумился Олег.

– Мне ведом язык всего живого. – В этом голосе было столько властной силы, что Саянову захотелось встать по стойке «смирно».

Ну и ситуация. Известный русский ученый Олег Саянов, стоящий навтыяжку перед голой дикаркой с копытцами козочки.

Однако луч в сторону Олег отвел. Простая вежливость. Женщина сделала несколько шагов. Походка у нее была, как у стоящей на пуантах балерины. Она глядела на раненую.

– Это произошло случайно, – сказал Олег.

Женщина молчала.

– Ей нужна помощь...

– Ты не должен противиться!

Олег обернулся. Еще одна. И такая же красивая.

– Оставь ее, – сказала вторая. – Она умрет. А если ты будешь сопротивляться, то повредишь себя.

Женщины синхронно двинулись вперед. Саянов попятился. Раненая оказалась между ними и Олегом. Но красавицы не обращали на нее внимания.

Саянову стало по-настоящему страшно.

Но страх никогда не превращал его в кисель. Наоборот. Напуганный Олег Саянов становился крайне опасным.

Бросок вправо – и сабля у него в руке.

Кровь на клинке еще не успела высохнуть.

Они должны были испугаться... Любой испугался бы...

Но красотки не испугались. Забеспокоились, да. Однако это было беспокойство взрослого, обнаружившего, что маленький ребенок раздобыл нож.

Козоногие переглянулись, потом одна из них скакнула вперед и схватила Олега за правую руку. Она была очень быстрой, а хватка – по-настоящему сильной.

Саянов ударил ее левой по скуле. Хорошо приложил. Помужски.

Красотка разжала пальцы и отпрыгнула назад. Потерла лицо. Впечатление такое, что ей не было больно. Кажется, она удивилась.

«Вот крепкая стерва! – подумал Саянов не без восхищения. – Меня бы такой удар уложил на полчаса!»

– Ты не должен противиться! – властно произнесла вторая.

– Даже и не думай, – сказал ей Олег. – И не надо ко мне лезть! Я умею пользоваться этой штукой. Давайте договоримся по-хорошему. Я сейчас пойду домой и поищу лекарства, чтобы помочь вашей сестренке. Хорошо?

Женщины перебросились несколькими словами. Они го-

ворили на языке, которого Олег не знал.

– Ну как, договорились? – спросил Саянов.

На раненую он старался не смотреть. И был совсем не уверен, что сможет еще раз пустить саблю в ход. Он никогда никого не убивал.

Одна из козоногих поднесла ладони рупором ко рту. Хочет позвать на помощь? Кого?

...Низкий пульсирующий звук заставил Саянова содрогнуться.

Женщина закричала еще раз, и сердце Олега сжалось от необъяснимого ужаса. Третий вопль – и он оцепенел.

Руки онемели, мускулы превратились в желе.

Вторая женщина подошла и вынула из руки Саянова саблю. Он не мог сопротивляться. Не мог произнести ни звука.

От козоногой исходил мускусный аромат. Рука ее легла на голую спину Саянова, и ему почему-то стало очень холодно. Холодно – в тропиках! Рук Олег по-прежнему не ощущал, ноги стали резиновыми.

Приблизилась и та, что кричала. Она толкнула Олега в грудь, и он, как кукла, опрокинулся на спину. Но не ударился. Вторая поймала его у самой земли, мягко опустила на траву.

Фонарь Саянова лежал в нескольких шагах. Луч света отражался от глянцевой листвы.

Олег ощутил, что чувствительность понемногу возвращается к нему, попробовал повернуть голову... и увидел на рас-

стоянии двух шагов глаза раненой девушки.

Он шевельнул правой рукой. Его вялые пальцы коснулись чего-то гладкого и твердого. Нога одной из женщин!

Она стояла над ним.

Снизу козоногая выглядела великаншей.

Олег услышал треск ткани. Приподнял голову.

Вторая козоногая с легкостью, как бумагу, рвала его шорты.

Саянов попытался встать, но первая козоногая, присев, ухватила Олега за волосы и прижала голову к земле. Ее груди почти касались лица Саянова. Muskusный запах стал гуще. Олег слышал ее учащенное дыхание.

Он не видел, что делает вторая. Но – чувствовал. Очень хорошо чувствовал. Нельзя сказать, что ему это было неприятно. Разве что кончилось все очень быстро. Хотя нет, не кончилось.

Первая козоногая отпустила его волосы и заняла место подруги. Та наблюдала, присев на корточки. Ее глаза мерцали синим огнем. Она ждала своей очереди.

И дождалась.

Они снова поменялись. И еще раз. Олег, и прежде полагавший себя темпераментным мужчиной, в эту ночь дважды превзошел себя. Несмотря на то что его прекрасные насильницы совершенно не пользовались обычными приемами, чтобы привести его в форму. И использовали одну-единственную позу. Зато все остальное у них было великолепно.

И Олег вновь и вновь чувствовал свою готовность. Он не мог этого объяснить. Может быть, причина в запахе? Или в их нечеловеческой природе? Но так или иначе забавы их продолжались не меньше двух часов.

И все это время раненная Саяновым девушка была жива и неотрывно смотрела на него огромными блестящими глазами.

И она была еще жива, когда две ее соплеменницы, ничуть не утомленные любовными играми, с легкостью подняли восьмидесятикилограммовое тело Олега и потрусили вниз по тропе, неся Саянова как некий предмет, не способный к самостоятельному движению.

Впрочем, надо отметить, что он и был таким предметом. Поставь его сейчас на ноги, он бы упал.

«Должно быть, теперь они меня съедят», – мысленно состригил Олег, глядя на белую большую грудь, мерно подрагивающую у самого его носа.

Саянов несколько не удивился, когда женщины принесли его к обрыву над пещерой, которую он обнаружил днем. Одна из козоногих спрыгнула вниз, а вторая бросила ей Олега. Как мешок с мукой. А та поймала – и даже не пошатнулась.

Саянов подумал о сабле, оставленной рядом с раненой.

«Жаль, если она пропадет!»

Мысль эта равно относилась и к сабле, и к раненой девушке.

Теперь он не был уверен, что она умрет. Человек с такой

раной не прожил бы и получаса.

Тела козonoгих были горячими. Градусов тридцать восемь, не меньше. Саянова это возбуждало. Он больше не боялся. Все было слишком невероятно. Олег наблюдал за собой, как будто это был не он, а кто-то другой. Кто-то неизвестный.

Саянова била дрожь, но он не боялся. Сейчас Олег был готов ко всему. К любому будущему. Ведь в любом случае он ничего не мог изменить. Сейчас.

Женщины вновь подхватили его и вдвоем внесли в горло пещеры. Спустя несколько секунд Олега Саянова окутала полная темнота.

Глава пятая

Узник сладострастных нимф

Тьма окружала Саянова. Она была полна звуков, запахов, ощущений. Большинство ощущений приносили руки. Ловкие руки вкладывали ему в рот пищу, отводили к ручью (вскоре Олег сам научился находить его – по звуку), укладывали на мягкое ложе из свежей травы, которую меняли каждый день. Эти же руки натирали его пахучими маслами и разминали мышцы. Временами Олег ощущал себя ребенком. Правда, довольно активным «ребенком». Сексуальные игры, которыми развлекали его козonoгие прелестницы, были весьма интенсивными. К собственному удивлению, Саянов не чувствовал себя изнуренным. Его потенциал возрос под стать требованиям его нимфоманок-соложниц.

Различать своих «подружек» Олег научился не сразу. Уж очень они были похожи. Сексуальные привычки у них тоже были одинаковые. И довольно однообразные. Количество имело явный приоритет над качеством.

Помимо подружек-нимфоманок в пещере, где теперь жил Саянов, имелись и другие обитатели. Но они, похоже, интереса к Олегу не проявляли.

Если оценивать ситуацию с чисто животной точки зрения, жилось Саянову не так уж плохо. Все потребности его тела были удовлетворены. Кормили его вкусно, разнообразно и

много. Причем такой пищей, какую он никогда прежде и не пробовал. Кое-что Саянов опознавал: фрукты в сладком молоке, шарики из тертых орехов с медом, сырую рыбу с побегами папоротника... Но это были только компоненты сложных блюд, которые подносили Олегу женские руки.

Поначалу Саянову казалось, что в пещере холодновато. Но всерьез окоченеть он не успевал, потому что стоило ему замерзнуть, как рядом неизменно оказывалось горячее тело козоногой. А потом он и вовсе перестал чувствовать холод. Привык, наверное.

Еще одной приятной неожиданностью было отсутствие насекомых. И это в тропиках, где одних только тараканов десятки видов.

Определить, как долго длится его подземное заточение, Саянову было непросто. Чувство времени пропало напрочь. Олег ел, спал и совокуплялся. Именно эти действия определяли ритм его жизни. Если в ней был ритм. Нельзя сказать, что ум Саянова пребывал в спячке, но для серьезного анализа происходящего ему не хватало данных. Он знал, что существа, захватившие его, не люди, а этикие очаровательные сатирички женского пола. Но кто они? Откуда взялись? Каковы их цели? Судя по поведению, смысл их жизни состоял в том, чтобы пылко совокупляться с ним, Олегом Саяновым. Интересно, как они жили до его приезда на остров? Порой у Олега возникало ощущение, что их главная цель – получить от него как можно больше семени. Стоило ему кончить – и

козоногая теряла к нему интерес... Пока его соответствующий орган вновь не приходил в рабочую форму. Никаких внешних проявлений оргазма Олег у козоногих не замечал. Равно как и желания продлить процесс. К попыткам Саянова их приласкать красотки относились довольно равнодушно. Хотя и не препятствовали. Посредством тактильного исследования Олег выяснил, что кожа у его подружек сухая, горячая и гладкая. Волосы – мягкие, но порядком спутанные. Расчески здесь были не в ходу. То, что росло у них в паху, практически не отличалось от человеческой «растительности», бедра были совсем гладкие, а вот голени покрывал густой мягкий пушок.

Физически козоногие были намного сильнее Саянова, но с тех пор, как он принял их правила игры, к насилию они больше не прибегали. И пахло от них отнюдь не козлом, а очень даже приятно. Особенно – в процессе интимного общения. Феромоны, надо полагать.

Отсутствие света способствовало обострению второстепенных органов чувств. Например, свое место в пещере Олег научился находить по запаху. Слух его тоже обострился необычайно и теперь стал главным средством ориентации в пространстве. Саянов пришел к выводу, что жизни его ничто не угрожает. Если бы его собирались убить, вряд ли обслуживали бы так тщательно.

Правда, Саянов читал, что у всяких первобытных народов была практика жертвоприношений, в соответствии с ко-

торой пленников, перед тем как отправить в лучший мир, жаловали по-царски.

Поразмыслив, Олег решил отнестись к ситуации фаталистически. То есть – будь что будет. И взялся за систематическое исследование места заточения и его обитателей.

Пещера была огромна. Не менее сотни шагов в поперечнике. Выхода из нее Олег не обнаружил, хотя искал очень старательно, потому что знал: выход есть. Иначе как он тут оказался? Однако единственным обнаруженным «отнорком» был тот, что вел к отхожему месту и заканчивался щелью, через которую вытекал ручей. Размеры щели были таковы, что покинуть через нее пещеру мог бы средней упитанности суслик.

Бродя во тьме по пещере, Саянов постоянно натыкался на ее обитателей, вернее, обитательниц. С формами весьма впечатляющими или более скромными, повыше и поменьше ростом. Некоторые были совсем девчушки. Стоило Саянову прикоснуться к какой-нибудь из обитательниц пещеры – и козоногая замирала в неподвижности до тех пор, пока Олег оставался рядом. Он выяснил, что может трогать их без всякого стеснения, и по ряду признаков определил: многие не прочь познакомиться с ним поближе.

Но ни одна не тронула его и пальцем, а стоило его собственным движениям стать слишком вольными, как тут же появлялась одна из соложниц Саянова и вводила «собственность» подальше от соблазна. Олег был почти уверен: «хо-

зьяйки» по очереди караулят его.

А вот мужики ему ни разу не попадались. Может, они живут в другой пещере? Судя по поведению его соложниц, партеногенез не был популярен среди обитательниц пещеры.

Вскоре Саянов по запаху не только узнавал своих «хозяек», но и более того – мог сказать, зачем они приближаются к нему: покормить, поухаживать или порезвиться.

Огорчало, что они не желают с ним разговаривать. Как всякий нормальный ученый, Олег мог загрузить свой мозг и без посторонней помощи. Но иной раз хочется просто поговорить. Тем более ему было известно, что козоногие неплохо болтают по-русски. Более того, ему еще при первом знакомстве было заявлено, что им «ведом язык всего живого». Да и вообще, Саянов был совсем не прочь узнать, откуда взялись эти очаровательные полиглотки. Но козоногие обращались с ним примерно как его брат – с девочкой из «эскорта». По принципу: «заткнись и в койку». Обидно, однако.

Между собой козоногие болтали на языке, которого Саянов не понимал. Иногда ему казалось, что он улавливает отдельные слова... Но не более.

А вот интонации говоривших он научился различать очень хорошо. И убедился, что, несмотря на ангельскую красоту, нрав у обитательниц пещеры далеко не ангельский. По крайней мере четыре раза за время пребывания в пещере Саянов слышал звуки, в которых можно было безошибочно признать шум драки. И два раза это происходило совсем ря-

дом. Возможно, из-за него? Получить ответ на этот вопрос было не у кого.

Стены пещеры были сухие и гладкие. На каменном полу повсюду валялись охапки свежей и уже подсохшей травы. В центре пещеры высилось несколько колонн неправильной формы. Они наталкивали на предположение, что пещера – искусственная. Вот только гладкость этих стен была какая-то слишком уж совершенная: никаких следов инструмента.

Первое время Олег очень много спал. Просыпался, лишь когда «владелицы» будили его. Позже сонливость прошла, и все свободное время Олег мог предаваться собственным мыслям. И – планировать бунт. Впрочем, дальше планов дело не шло. Даже зрячий и вооруженный, он вряд ли сумел бы противостоять одной-единственной козоногой. А уж слепой и безоружный... Впрочем, он пытался бороться: отказал в близости своим соложницам!

Те, однако, не стали применять силу. Просто оставили Саянова в покое. На некоторое время. И «крепость» пала. Собственная плоть потребовала прекращения бунта.

Время шло. Судя по отросшей щетине, Олег провел здесь не меньше месяца. И – никаких перспектив обрести свободу.

Саянов уже перестал надеяться, что в этом раю для хряков-производителей когда-нибудь что-нибудь изменится, когда вдруг случилось чудо. Олег прозрел!

Вообще-то слово «вдруг» не совсем точное. Процесс про-

зрения происходил постепенно.

Сначала в окружающей тьме появились тени, потом – смутные движущиеся фигуры, и наконец, однажды, проснувшись, Саянов убедился, что отчетливо видит все вокруг. Правда, сначала открывшийся ему мир был черно-белым, краски появились много позже, но даже черно-белый мир был намного лучше темноты.

Теперь, когда Олег мог видеть, он понял, отчего не смог найти выхода.

Выходы были. Даже несколько. Но располагались они на двух-трехметровой высоте.

Сама же пещера оказалась вовсе не такой грандиозно-огромной, как ему казалось сослепу. Хотя и далеко не маленькой. Впрочем, многие вещи он представлял правильно. Родник, бывший из расщелины в круглую чашу, колонны (явно искусственного происхождения)... Даже число обитательниц Олег определил довольно точно: немногим больше двадцати.

Половину времени козоногие проводили под землей: спали, ели, общались, занимались приготовлением пищи. С наступлением ночи большинство уходило наверх. Взрослые и дети без помощи рук кузнечиками вспрыгивали в один из проходов и исчезали в тоннеле. Олег тоже мог бы взобраться наверх. Но его, без сомнения, тут же догнали бы и вернули.

Разумеется, Саянов сделал всё, чтобы скрыть свое прозрение. Он вел себя так, будто ничего не изменилось.

Зрячему, ему было куда легче изучать обитательниц пещеры. И теперь Саянов знал наверняка: практически все козоногие проявляют к нему интерес. А сдерживает их, судя по всему, сила двух его «хозяек». Хотя кое-кто из обитательниц пещеры вел себя нахальнее прочих. Например, сознательно оказывался на пути Олега, когда тот, изображая слепого, бродил по пещере. Но это происходило лишь тогда, когда одна из «хозяек» отсутствовала.

Небезынтересным было и то, что союз его соложниц был единственным союзом в пещере. Если не считать двух матерей, чьи девочки были относительно малы и требовали заботы, все красотки оказались ярко выраженными индивидуалистками. Например, еда принадлежала той, которая ее принесла, и только ей. Олег ни разу не видел, чтобы пищей делились. А его самого кормили исключительно «хозяйки».

При детальном рассмотрении Саянов обнаружил немало различий между обитательницами пещеры. Любая из них украсила бы обложку мужского журнала, но у каждой был свой «имидж». Имелись также возрастные отличия. Более старшие были крупнее: больше груди, шире бедра, рельефнее мышцы. Именно к таким, старшим, относились «хозяйки» Саянова.

Слово «старшие», впрочем, достаточно условно. На вид этим самым старшим было не больше тридцати. Ни старух, ни даже просто пожилых – не было.

Любая из красоток была сильнее Олега. И практически

каждая с удовольствием заполучила бы его в собственное пользование. Если бы не «хозяйки» Саянова. На этом «конфликте интересов» можно сыграть.

Вскоре в монотонной жизни Саянова случилось еще одно событие. Одна из соложниц утратила к нему сексуальный интерес. Олег попробовал выяснить причину охлаждения у второй, но ответа не удостоился. Тем не менее он счел это знаком. Пришла пора действовать.

Выбор Олега пал на одну из «тайных почитательниц», чье сложение, возраст и внешность примерно соответствовали тому же у соложниц Саянова. Надо полагать, силой она им тоже не уступала.

Выбрав время, когда из «хозяек» в пещере осталась лишь одна, та, которую он больше не интересовал как мужчина, Олег приступил к делу.

«Наткнуться» на свою избранницу было совсем нетрудно. Тем более что это происходило уже не раз и не вызвало особенного беспокойства у «хозяйки» Саянова. Она лишь бросила на женщину предупреждающий взгляд, когда та застыла на месте, подставляя себя рукам Саянова.

Но на этот раз Олег был особенно нежен. Он прикасался к ней бережно и умело: лицо, шея, спина, грудь. Давно уже руки Олега не были так чутки. Козоногая закрыла глаза и глубоко дышала. Когда ладони Олега прошлись по горячему животу, он ощутил наконец, что козоногая дрожит.

Краем глаза Саянов заметил: его «караульщица» при-

стально следит за разворачивающейся сценой.

Пальцы Олега двигались по гладкой коже живота, пока не коснулись волосков на лобке. Когда он дотронулся до ее лона, козonoгая содрогнулась всем телом, глаза ее широко открылись... И сильные руки ухватили Олега за ягодицы. Но больше бедняжка ничего не успела сделать.

В следующий миг Саянов был буквально выдран из объятий разъяренной фурией. Его «хозяйка» неуважительно отшвырнула свою «собственность» прочь и отвесила нарушительнице такую оплеуху, что эхо ее достигло самых дальних уголков пещеры. Та не осталась в долгу. Издали Саянов наблюдал, как они вертятся на месте под сухой цокот раздвоенных копыт и резкие хлесткие звуки ударов. Драка была стремительной и жестокой, но, к удивлению Олега, ни та ни другая не пользовались ногами. А ведь удары острых копыт были бы сокрушительны.

Пятеро других козonoгих, находившихся в это время в пещере, с явным интересом наблюдали за схваткой. А вот шестая смотрела на Олега. Очень внимательно смотрела. Эта красотка была моложе остальных и внешне так похожа на ту бедняжку, которая умерла от удара сабли, что Олегу стало немного не по себе.

Девушка, скрытая от дерущихся спинами своих соплеменниц, приблизилась к Олегу, улыбнулась совсем по-человечески и протянула ему руку. Саянов с трудом удержался от ответного жеста. Он ведь слеп! Но рука по-прежнему висела

в воздухе, и Олегу ничего не оставалось, как коснуться ее, приняв как факт, что его тайна раскрыта. Теперь всё зависело от того, сохранит ли козоногая тайну. Они обменялись взглядами, и Саянов понял: не выдаст!

Олег закрепил их союз, сжав тонкие пальчики. Наклонясь и прикоснувшись губами к маленькой ушной раковине, он шепнул:

– Меня зовут Олег.

– Я знаю. – Голос был как дуновение лесного ветра.

– А тебя?

– Шествующая-По-Ночной-Тропе!

Первое из имен Древних, которое услышал Олег Саянов.

– Шествующая! – прошептал Саянов, и в груди у него разлилось тепло.

Драка окончилась победой «хозяйки». Торжествуя, она положила руку на плечо Саянова. Обозначила, так сказать, имущественное право. Лицо победительницы украшал здоровенный кровоподтек, лоб пересекли две длинные царапины.

Побежденная выглядела похуже, но взгляд, который она искоса бросила на Олега, говорил: от своих притязаний козоногая не отказалась.

Победительница отвела Саянова к ложу, потом окунула лицо в холодную воду источника. Ее соперница сделала то же самое.

Все их раны зажили буквально через несколько часов.

Потрясающая способность к регенерации.

Глава шестая

Кровь и страсть

«Сколько же времени я здесь?» – думал Саянов, растянувшись на колкой соломе.

Он потрогал отросшую бороду. Вполне приличных размеров! И куда гуще, чем три года назад, когда Олег, по прихоти одной из своих подружек, перестал бриться.

Слегка озадаченный, Олег ощупал голову и обнаружил настоящую львиную гриву. Такая же была у Саянова, когда он юношей, создавая образ повесы-музыканта, не стригся больше года.

Неужели он здесь так долго? Быть того не может.

Олег уселся на своей подстилке и задумался.

Определенно с его телом что-то происходило. Странно, что он раньше этого не заметил. Хотя что значит «не заметил»? А способность видеть в темноте? А сексуальная неистощимость? Да не было дня, чтобы он трахнулся меньше четырех раз!

Саянов ощупал гениталии. Яички определенно увеличились!

Через полчаса, проведя ряд экспериментов, Олег убедился, что изменения коснулись не только прически и репродуктивных функций. Например, глубоко вздохнув и задержав дыхание, Саянов почувствовал желание выдохнуть толь-

ко через сто двадцать ударов пульса. Очень редких ударов, черт возьми!

Сантиметр за сантиметром Олег обследовал свое тело, удивляясь, почему он не сделал этого раньше. Все мышцы увеличились и стали твердыми, как самшит. Саянов должен был потерять форму без обычных нагрузок, а произошло обратное. Грудь Саянова покрылась курчавой шерстью (прежде это были реденькие волоски), и похоже, что живот скоро станет таким же волосатым. Пресс просто каменный. Треснув сам себя кулаком, Олег не почувствовал ровно ничего.

Тут же ужасная мысль пришла Олегу в голову...

Но – слава Богу!

Ноги его остались прежними. Никаких пугающих изменений, если не считать малость огрубевших подошв.

Что еще? За все время его заточения ни разу не напомнил о себе чертов желудок. Гастрит пропал. Да у него за все это время вообще ничего не болело!

И холода он больше не чувствовал. Даже мытье холодной родниковой водой стало сплошным удовольствием.

Олег поднялся и сделал несколько движений из семейной боевой системы. Тело работало, как швейцарский хронометр. Мощи и резкости определенно прибавилось.

Саянов попрыгал на месте – и обнаружил, что без труда выпрыгивает метра на полтора вверх.

Оставшаяся на карауле «хозяйка» наблюдала за экспери-

ментами Саянова без особого интереса. Чем бы дитя ни тешилось...

Собственная возросшая мощь подвигла Олега на новые подвиги.

Он дождался ситуации, когда на страже осталась козоногая, не претендующая на близость, и, одновременно, та красавица, которую Олег спровоцировал на драку. Затем, выбрав момент, Олег сделал знак молоденькой Шествующей, собравшейся покинуть пещеру: не уходи.

Саянов не особенно надеялся, что девушка послушается: козоногие были вовсе не склонны подчиняться. Зато все они были очень любопытны. Шествующая-По-Ночной-Тропе осталась.

Улучив момент, когда сторожившая его направилась в боковой коридорчик (там было отхожее место), Саянов помянул Шествующую.

– Останься со мной, – сказал ей Олег, когда девушка подошла.

– Земнолика! – Девушка бросила взгляд туда, куда ушла «хозяйка».

– Ну и что?

– Земнолика не позволит мне быть рядом с тобой! – тихо возразила девушка. – Она – сильнее меня! Сильнее всех, кроме Дающей Плод!

– Дающая Плод – это вторая? – сообразил Саянов.

– Да! Она ушла в мир Светлой Луны. Ей нужно много пи-

щи.

Надо же, какие мы, оказывается, разговорчивые. Если хотим...

– Ты боишься? – Рука Олега обвилась вокруг талии Шествующей.

– Я не могу сделать тебя моим. – Шествующая-По-Ночной-Тропе с опаской посмотрела туда, куда ушла Земнолика. – Они убьют меня так же, как убили Жертвующую Ветру. И *Маат* не отомстила им!

«Что еще за *Маат*?» – подумал Олег, но уточнять не стал.

– Шествующая, – Олег обнял ее крепче, – это не они, а я убил Жертвующую Ветру. Случайно. Мне очень жаль!

Не хватало еще ее напугать!

Однако Шествующая не испугалась, а рассмеялась. Олег впервые слышал, как смеется козоногая. Очень мелодично.

– Ты из Детей Дыма, – проговорила она. – Как ты мог убить Древнюю?

– Саблей, – ответил Олег. – Случайно. Но она выжила бы (очень может быть – учитывая невероятные способности козоногих к регенерации), если бы твои соплеменницы позволили мне ей помочь!

– Этого не может быть – безапелляционно заявила Шествующая-По-Ночной-Тропе. – Дитя Дыма может убить Древнюю только огнем. И сабли у тебя быть не могло. Тот, кто приводит к нам Дающих Семя, знает: у вас не должно быть оружия. Даже больших ножей. Чтобы вы не убивали са-

ми себя от страха.

– Ваш слуга недоглядел, – сказал Олег. (Ну Винченца! Ну сука! Дай мне только до тебя добраться!) – У меня была сабля. Скажи, почему Жертвующая Ветру подстерегала меня? Почему она, а не ты?

– Жребий. – В голосе Шествующей послышалась зависть. – Нерожавшие бросили жребий, и он указал на Жертвующую Ветру. Ты достался ей. Так решила *Маат*.

Второй раз Шествующая-По-Ночной-Тропе упомянула это имя, выделив его особым тембром голоса. И вновь Олег решил не уточнять, что это за зверюга такая – Маат. Есть более неотложные вопросы.

– Послушай, – сказал он, – а если бы жребий указал на тебя?

Шествующая погладила его плечо.

– Ты был бы моим, – сказала она с нежностью. – Ты – сильный. И приятный. И по-прежнему крепок, хотя живешь здесь так долго. Хотела бы, чтоб ты принадлежал мне, а не им!

– У тебя есть шанс, – сказал Саянов. – Возможно, я буду принадлежать тебе, а ты – мне!

Шествующая снова засмеялась:

– Я – тебе? Ты так шутишь...

– Она идет! – оборвал девушку Олег.

– Ох! – выдохнула Шествующая и подалась назад.

Но Земнолика уже увидела их. И выражение ее лица не

сулило доброго.

Шествующая-По-Ночной-Тропе оскалила зубы. Она боялась, но готова была принять бой. Даже гримаса вызова не могла испортить ее красоты.

Олег стоял сбоку. Земнолика не обращала на него внимания: он был имуществом.

Саянов выжидал. Он знал: у него есть только один удар. Только один. Даже его улучшившиеся физические данные – ничто в сравнении с быстротой и силой козоногих.

Земнолика ударила без предупреждения. Очень быстро. Будь удар направлен на Саянова, Олег уже валялся бы на земле. Но Шествующая не менее стремительно отпрянула назад.

Вот он, шанс!

Саянов толкнулся правой ногой и вогнал ребро левой стопы в солнечное сплетение Земноликой. Удар прошел полностью. В самую масть. Земнолика, отброшенная на несколько шагов, скорчившись, жадно ловила ртом воздух.

Шествующая снова оказалась рядом с Саяновым. Она с изумлением смотрела на соплеменницу, прижимавшую руки к животу.

Земнолика с трудом выдавила пару слов на своем языке. Шествующая отрицательно замотала головой.

Одна из обитательниц пещеры (ну как же без зрителей!) что-то сказала.

– Что она говорит? – спросил Олег.

– Земноликая говорит: я ударила ее ногой! – оскорбленным тоном заявила Шествующая.

Если удары ногами здесь под запретом, то Олега ждут неприятности. Хотелось бы знать, насколько серьезные.

– А Ранняя Зрелость говорит: ее ударил ты! – Теперь в голосе Шествующей звучало удивление. – Она не лжет?

– Нет, – без особой охоты признал Олег. Даже если табу на удары ногами влечет за собой кару, нет смысла отрицать очевидное.

Земноликая отняла руки от живота и убедилась, что кожа не повреждена. Она перевела взгляд на Шествующую, потом – на Саянова. Казалось, она не верит своим глазам.

– Ты – удивителен, – сказала Шествующая. – Может, ты – не Дитя Дыма?

Подобная мысль явно появилась не у нее одной.

Обитательницы пещеры обступили Олега, оттеснив Шествующую-По-Ночной-Тропе в сторону. Саянов испытал что-то вроде облегчения, когда понял, что с ним не собираются расправляться. И он понял, что сам больше не является табу.

Козоногие трогали его голову, грудь, плечи. Саянов не знал, как реагировать, но прикосновения этих пальцев возбуждали...

И вдруг словно вихрь разметал обступивших его козоногих.

Это вернулась вторая «хозяйка». Дающая Плод.

Обитательницы пещеры поспешно отступили. Вокруг Саянова мгновенно образовалось пустое пространство.

Дающая Плод обменялась несколькими быстрыми репликами с Земноликой, бросила взгляд на Олега (оценивающий) и, отыскав в толпе Шествующую, сделала ей знак.

Девушка вышла в пустое пространство. Она нервничала, но явно решила не уступать. Дающая Плод что-то сказала ей с явной угрозой. «Теперь или никогда!» – подумал Саянов и, шагнув вперед, оказался между Шествующей и ее противницей.

– Я, – заявил он твердо, кивнув в сторону Шествующей, – выбрал ее! Ты – убирайся!

Если бы стена пещеры вдруг заговорила, наверняка это меньше удивило бы Дающую Плод. За то время, что Олег был с ними, и она, и Земнолика привыкли к его покорности.

Это было на руку Саянову. Теперь, зная, что удары его кое-что значат для обитательниц пещеры, Олег чувствовал себя более уверенно.

Дающая Плод, даже не посмотрев на него (ее глаза были обращены на Шествующую), протянула руку, чтобы отбросить Саянова в сторону.

Олег отбил руку жестким блоком.

Козоногая оскалилась. Сопротивление ее рассердило. Саянов понял: сейчас ему достанется.

Но тут выступила Шествующая.

– Он – мой! – заявила девушка по-русски, чтобы Олег то-

же понял.

Дающая Плод одарила соперницу недобрым взглядом.

Земноликая встала позади Дающей Плод и всем своим видом дала понять, что в стороне не останется.

Саянов и его «подружка» явно уступали этой «сладкой парочке».

Олег огляделся в поисках подходящего орудия. Хорошая дубина могла уравнивать шансы. Но на каменном полу пещеры не было ничего, кроме разбросанных пучков высохшей травы.

И вдруг у Саянова появился неожиданный союзник!

Из толпы козоногих выпрыгнула женщина и недолго думая вцепилась в волосы Земноликой. Миг – и та уже на земле, а напавшая упирается коленом ей в спину.

Земноликая закричала, Дающая Плод оглянулась...

Саянов никогда не был джентльменом в подобных ситуациях. Он тут же врезал козогой по затылку.

Кисть у него онемела, а Дающая Плод, вместо того чтобы упасть, взвилась в воздух на добрых два метра, развернулась и обрушилась бы на Олега сверху, если б Шествующая не совершила такой же великолепный прыжок.

Они столкнулись в воздухе и упали на пол пещеры.

Копыта их ударили в камень одновременно, с оглушительностью выстрела. Шествующая схватила противницу за руки. Вряд ли она сумела бы удержать Дающую Плод больше секунды. Но секунда – достаточно длинный промежуток вре-

мени. Саянов провел серию из трех ударов: в живот, горло и переносицу.

Черт возьми! Дающая Плод выдержала! И отшвырнула свою соперницу с такой силой, что та упала на спину.

Дружный крик вырвался из уст козоногих, окруживших дерущихся.

Саянов приготовился к худшему...

Но прошла секунда, еще одна... Дающая Плод не нападала, она пятилась от него. На лице ее была растерянность.

Саянов кинул взгляд на лежащую на полу Шествующую – и понял!

Бедро девушки рассекала глубокая, обильно кровоточащая рана. След раздвоенного копыта!

Вокруг медленно нарастал ропот.

Дающая Плод все еще пятилась. Между нею и Саяновым было уже больше десяти шагов. Он боковым зрением увидел, как напавшая на Земноликую женщина отпустила ее, обе они поднялись и глядят на Дающую Плод.

Козоногие разом двинулись вперед. Саянов испытал мгновенный страх: сомкнутая стена козоногих надвигалась на Дающую Плод, а он оказался посредине.

Лицо Дающей Плод, прекрасное лицо античной Геры, искажилось от ужаса.

Ибо сама Смерть была на божественных лицах надвигавшихся на нее козоногих.

– Нет! – закричал Олег, вскидывая руки.

Она была слишком красива, чтобы умереть.

Но как брошенный камень может остановить волну?

Слитный звук накатился на Саянова, и, хотя удар был направлен не на него, нервы Олега превратились в стебли замерзшей травы. Разъяренная толпа пронеслась мимо Саянова – к скорчившейся от страха Дающей Плод.

Козоногие окружили ее.

Эти создания чужды жалости. И жалость чужда им.

«Слишком красива, чтобы умереть!»

«Эй, Олежек, а почему ты так уверен, что не тронут тебя?» – поинтересовался кто-то внутри.

Звук поднимался, как океанская волна. Он пронизывал плоть Олега тысячей ледяных пружин, сокращающихся, стягивающих, разрывающих внутренности...

– Нет! – взревел он в ярости. И ринулся в свалку. Но его собственный голос был как удар кулака в мокрую шерсть. Он угас, не оставив даже эха.

Стена отбросила Саянова.

Его подхватило, закрутило, перевернуло и вышвырнуло наружу, ударив головой о каменный пол.

Последнее, что отпечаталось в гаснущем сознании: тугой комок голых тел и отвратительные звуки, похожие на те, что издает трясина, когда у нее отнимают пойманную добычу.

Глава седьмая

Шествующая-По-Ночной-Тропе

Когда Олег пришел в себя, то по каким-то неуловимым приметам решил: снаружи уже вечер. То есть он провел в беспомощности больше десяти часов.

Он сел, застонав от вспыхнувшей в затылке боли. Но боль быстро ушла.

Гибкая грациозная фигура тут же оказалась рядом с Олегом.

Шествующая-По-Ночной-Тропе. Ее руки обняли Саянова, горячее бедро прижалось к его бедру.

Олег посмотрел вниз и увидел на гладкой коже тонкий затянувшийся рубец.

Маленькие руки обожали все тело Олега, обследовали его бережно и дотошно, а потом с ласковой настойчивостью уперлись в грудь, опрокидывая навзничь.

Олег помотал головой. Тело его освобождалось от сонной немощи с поразительной быстротой.

Маленькая богиня нажала сильнее, и Олегу пришлось опереться на руку, чтобы не оказаться лежащим на спине.

– Ну-ка полегче, детка, – сказал он, снимая руки Шествующей со своей груди.

– О! – удивилась она. – Но я хочу...

Олег притянул ее к себе и закрыл рот поцелуем. Ее губы

были неумелыми, но Саянов был уверен: она быстро научится.

– Принеси мне воды! – велел он, отпустив ее.

– Воды? Тебе? – Ее изумление возросло. – Но если ты хочешь пить, то...

– Шэ! – произнес Олег очень серьезно. – Ты будешь делать то, что я прошу.

– Шэ? – Бровки девушки поднялись.

– Я буду звать тебя так, – пояснил Олег.

– Тебе не нравится мое имя?

– Мне нравится звать тебя: Шэ. Не возражай! – добавил он мягко.

Не следовало забывать, что эта сногшибательная красавица вдвое сильнее его.

– А теперь принеси мне воды.

Она все еще колебалась.

– Ты не должен отказывать мне, – произнесла Шествующая. – Мы, Древние, говорили о тебе, пока ты странствовал в мире Туманной Луны. Раз уж ты показал, что можешь принадлежать сразу двоим, соединиться с тобой будут двое: я и След Прошлого. Но сначала – я! И давать тебе пищу тоже буду я. К чему говорить пустые слова, когда я вижу: ты готов соединиться со мной?

Насчет готовности Шествующая была права.

– Принеси мне воды, – спокойно сказал Саянов. – И забудь о том, что вы решили. Иначе я пойду развлекаться вон к той

женщине!

Он кивнул в сторону ближайшей козоногой. В конце концов, все они были достаточно красивы, а Олег мог быть уверен: ни одна ему не откажет. Черт возьми! Он обзавелся гаремом! И каким!

– К Рожденной-В-Ручье? – Шествующая была ошеломлена. – Но она трижды имела Дающего Семя, и ее дочь, Стерегущая Воды, уже имела Дающего Семя. Разве она лучше меня? – В вопросе не было и тени кокетства.

– Ты – лучше, – охотно признал Олег. – Но она будет делать то, о чем я попрошу.

– Ты полагаешь? – усомнилась девушка.

– В таком случае я пойду к другой!

Шествующая была шокирована.

– Но мы решили...

– Я решил иначе!

Они все еще обнимали друг друга, и Олег позволил себе кое-какие вольности. Но остановил девушку, попытавшуюся ответить тем же.

– Вода! – напомнил он.

– Но как я это сделаю? – озадаченно спросила Шествующая.

– А как вы носите воду?

– А зачем ее носить? – удивилась козоногая. – Хочешь пить – идешь и пьешь.

– А если не можешь идти?

– Тогда умрешь, – с полнейшим равнодушием ответила козоногая. – Те, что не могут добыть себе необходимое в мире Светлой Луны, идут в мир Темной.

– То есть умирают?

– Да, вы называете это так.

– Но меня же кормили, – напомнил Олег.

– Ты – Дающий Семя! – торжественно произнесла Шествующая. – Маат велит тебя кормить и поить. И каждая из нас знает, как и чем возместить твои силы. И я знаю, не сомневайся. Хотя, – призналась девушка с некоторым смущением, – я никогда не кормила Дающего Семя. Мне ведь еще только шестьсот двенадцать полных лун.

– Сколько?

– Шестьсот двенадцать полных лун. Я участвовала в восемнадцати жребиях, но Маат не благословила меня.

Маат, надо полагать, какая-нибудь местная богиня. Олегу было плевать на дикарские суеверия. Даже на суеверия столь очаровательных и экзотических дикарок. Но возраст... Если перевести на годы, получится полтора ста с гаком. Врет или правда?

– Ты будешь меня кормить, – разрешил он.

– О да! – с готовностью согласилась Шествующая и снова попыталась повалить Олега на сено.

Но он не дался. Саянов взял ее руки, соединил их лодочкой:

– Вот так. Поплотнее. Зачерпнешь воду и принесешь мне.

– Ты же не напьешься таким количеством... Может... – она задумалась на секунду, – мне взять раковину?

Саянов мысленно поаплодировал сам себе.

– Нет, – сказал он. – В твоих руках. – И добавил многозначительно: – Тебе не придется жалеть о том, что выполняешь мои просьбы.

Шествующая подумала еще немного и легко вскочила на ноги:

– Хорошо. Я принесу.

И ускакала.

Через полминуты она вернулась и, опустившись на колени, протянула Олегу сомкнутые ладони.

Саянов наклонился к ним, медленно выпил принесенную воду.

– Тебе ведь не было неприятно? – спросил он, улыбаясь и вытирая рот тыльной стороной ладони.

– О нет! Это... необычно. Хочешь, я принесу еще?

Но Саянов поймал ее за руку:

– Постой! Воды довольно! Запомни: многое из того, что я буду делать, покажется тебе необычным. Но обещаю: тебе будет приятно. Ты поняла?

– Поняла. А теперь...

– А теперь ляг на спину!

Глаза девушки округлились.

– Я? Зачем?

– Шэ!

– Хорошо. Я лягу. Но когда ты соединишься со мной?

– Скоро! Вот умница! Вытяни ноги и закрой глаза.

Девушка послушалась. Олег некоторое время разглядывал ее, вытянувшуюся на каменном полу, потом коснулся пальцами ее горла. Грудь Шествующей быстро поднялась и опустилась. Олег кончиками пальцев провел по сторонам ее шеи, а от шеи – вниз. Руки его накрыли полушария грудей, слегка стиснули их, снова заскользили вниз, прошлись по натянувшейся коже живота девушки.

Шествующая еще раз судорожно вздохнула, потянулась...

– Лежи! – властно бросил Саянов.

Обогнув выпуклость лобка, руки его коснулись гладких бедер. Мышцы их были округлыми, далеко не такими развитыми, как у более старших обитательниц пещеры.

Указательным пальцем правой руки Саянов провел по свежему шраму. Девушка вздрогнула, но не пыталась помешать.

Золотистый пуховый покров начинался сразу от коленной чашечки. Он был не так густ, как у Земноликой или Дающей Плод. У Шэ сквозь него легко прощупывалась кожа. Икроножная мышца была твердой, как железо, а лодыжка – гладкой и очень тонкой. Тоньше, чем запястье Олега. Зато – со стальными жгутами сухожилий. Кожа на почти человеческой пятке была нежной, как у младенца. Но там, где стопа округлялась, переходя в копыто, кожа была жесткой и шероховатой примерно на ширину сантиметра. Там же Олег нащупал

два крохотных отростка, слева и справа, – рудиментарные пальчики.

Твердая поверхность самого копыта на ощупь напоминала отполированный бильярдный шар. Но кромки были очень острыми. Едва коснувшись их, Олег вспомнил сходное ощущение: будто потрогал клык собаки.

– Ты чувствуешь, когда я прикасаюсь к тебе здесь? – спросил Олег, поглаживая изнутри образованную двумя расходящимися концами вилочку.

– Да...

Как и прежде, нечеловеческая нога не вызывала у Саянова ни отвращения, ни даже брезгливости. Она выглядела естественно. И была естественной. Не менее естественной, чем его собственная. Интересно, какой виток эволюции создал этих красавиц?

Девушка открыла глаза:

– Ты медлишь? Зачем?

Олег положил руку на ее живот, и у него тотчас возникло ощущение: упругая плоть этого безукоризненного живота обняла его пальцы, и они погрузились в нее...

Хотя он отлично видел свою руку, лежащую на поверхности этой великолепной чаши.

– Закрой глаза!

Олег не собирался отвечать на вопросы.

Светлые волоски на лобке девушки не имели сходства с шелковистым пухом, покрывавшим ее икры.

«А жаль!» – подумал Саянов.

Под его ладонью, под приятной теплой бархатной кожей, под твердыми мускулами живота Шэ возникло движение. Олег угадал эту пульсацию за мгновение до того, как она началась. По изменившемуся аромату, острому запаху жаждающей близости козonoгой, так хорошо знакомому. Больше ничто не говорило о растущем желании. Кисти рук Шествующей свободно лежали ладонями вверх, губы были слегка раздвинуты, веки – опущены.

Но Саянов увидел, как чуть согнулись и прижались друг к другу колени ее сомкнутых ног. Рука его дрогнула, пальцы невольно впились в мякоть под нежной кожей внизу живота Шэ.

Глаза девушки распахнулись. Руки потянулись к чреслам Олега. Но он накрыл ее кисти собственными руками и, подняв, соединил над головой Шэ. Груды девушки приподнялись, и соски коснулись волос на груди Саянова. Он бедром оттолкнулся от пола и всей тяжестью упал на девушку сверху. Олег ощутил себя легким и твердым, будто сделанным из крепкого, хорошо высушенного дерева. Хотя вес его перевалил за восемьдесят, Шествующая будто не почувствовала тяжести. Ноги ее разошлись, икры легли сверху на икры Олега, заскользили вверх, щекоча кожу пуховым покровом.

Тело ее было готово принять плоть Саянова и знало, что нужно делать. Однако! Олег испытал короткий шок: это умное великолепное тело оказалось девственным!

«Шестьсот двенадцать лун, восемнадцать жребиев...» – вспомнилось Саянову, когда он почувствовал сопротивление...

Больше он ничего не успел подумать. Пальцы Шествующей вонзились ему в ягодицы, и он охнул от боли, когда его плоть одним могучим толчком была вдавлена в девственное лоно.

Вскрик его слился с воплем Шэ, тела их забились в слитном ритме, содрогнулись – и через несколько секунд распались.

Олег скатился на пол, упал на спину и остался лежать, раскинувшись на колкой соломе со сгустком пульсирующей, нарастающей боли вместо сердца, почти не чувствуя тела и совершенно не ощущая собственных гениталий. Словно их не было – только режущая боль внизу живота, соперничающая с болью в груди. Уже догадываясь, что произошло что-то очень нехорошее, Олег попытался вздохнуть, но не смог. И провалился во тьму.

Глава восьмая

Крепкий парень Олег Саянов

Саянов пришел в себя и закашлялся, поперхнувшись. Сильная рука обнимала его за плечи. Он подумал: Шэ! Но это оказалась другая.

– Пей! – велела козоногая, выжимая из плода сок. – Пей.

Ну ты и силён, человек!

Это показалось Саянову издевкой.

Внезапно он вспомнил, *что* он ощутил, проваливаясь в беспомощность.

И ему очень захотелось убедиться, что главное – на месте.

Слабой рукой Саянов проверил наличие детородных органов. Органы были на месте, где им положено быть. Вот только чувствительность была – как у парафиновой свечки. Нулевая.

Испугаться Саянов не успел.

– Это пройдет, – угадала его мысли козоногая. – Ты очень силен, – повторила она, вкладывая ему в рот сладкий пищевой комок.

– Не нахожу, – отозвался Олег, вяло шевеля челюстями.

В жизни каждого мужчины бывают эпизоды, когда чувство юмора полностью исчезает. Сейчас с Саяновым произошел как раз такой случай.

– Маат была с вами, – проговорила козоногая.

Теперь Саянов вспомнил ее: это она вмешалась в драку, свалив Земноликую.

– Как тебя зовут? След Прошлого?

– Да.

Похоже, ей было приятно, что Олег знает ее имя.

– Расскажи, что со мной произошло, – попросил Саянов.

– Ты соединился с Шествующей-По-Ночной-Тропе, – сказала козоногая.

– Это я помню. Что случилось со мной?

– Ты соединился с Шествующей-По-Ночной-Тропе, – повторила козоногая. Она не поняла вопроса.

– Милая, я, как ты выражаешься, соединялся много раз. И в прошлом, и с твоими симпатичными сестричками. И ни разу в жизни во время этого процесса со мной не случилось такого неприятного казуса.

– Земнолика и Дающая Плод принимали семя прежде, чем встретили тебя, – сказала След Прошлого.

– Об этом я тоже догадался, – хмыкнул Олег. – Но, поверь, малышка Шествующая – не первая девственница в моей жизни.

– У тебя были самки Детей Дыма. – След Прошлого пренебрежительно фыркнула. – Маат дает им жизнь, но они больше не приносят Ей даров. Только мы, Древние, чтим Маат. Ты соединялся с Земноликой, и она зачала от тебя. (Так вот почему подружка ко мне остыла!» – догадался Саянов.) Но чрево Земноликой уже было открыто. И Дающий Семя,

который это сделал, умер. Так случается часто. Когда чрево Древней открывается для новой жизни, Дающий Семя может отдать не только семя, но и часть собственной жизни. Или всю жизнь, если сила его жизни невелика. Или если Маат захочет взять его жизнь целиком. Твою жизнь Маат хотела забрать до конца.

– Почему? – чувствуя холодок в позвоночнике, спросил Олег. Похоже, он зря счел таинственную Маат простым суеверием. Это «суеверие» сегодня чуть его не прикончило.

– Маат знает, – философски ответила След Прошлого.

– И что теперь? – встревожился Саянов. – Может, я могу что-нибудь для нее сделать? Чтобы она не сердилась?

– Ты можешь не тревожиться, – успокоила его козonoгая. – Ты оказался так силен, человек, что Маат полюбила тебя!

– Откуда ты знаешь?

– О! Я знаю! Мать сущего ничего не скрывает от нас, Древних.

– Ты все время твердишь, что я силен, – сказал Олег. – Почему?

– Будь ты слаб, ты был бы мертв. Даже Шествующая-Полночной-Тропе все еще пребывает в краю Туманной Луны, а ты уже бодрствуешь. Ты очень силен. В тебе, верно, кровь Древних? (Это была шутка, понял Саянов.) Хочешь соединиться со мной?

А это уже была не шутка.

– Ты с ума сошла! – убежденно произнес Олег. – Да я даже пениса своего не чувствую.

– Это не страшно, – успокоила его След Прошлого. – Ты согласен?

– А нужно мое согласие? – с иронией спросил Саянов.

Он чувствовал себя не сильнее выброшенной на песок медузы.

– Я думаю, что мне нужно и твое согласие, – очень серьезно ответила След Прошлого. – Я слышала твой разговор с Шествующей-По-Ночной-Тропе.

«Да уж, – подумал Саянов. – Об уединении мне придется забыть надолго».

– Дам я согласие или не дам – тебе не выжать из меня и капли семени! – Саянов негромко рассмеялся. – Подумай, стоит ли стараться ради столь сомнительного результата? А вдруг я после этого помру?

– Принимать Семя – наивысшая сладость. – Голос козеногой был очень серьезен. – И ты не умрешь. Не думай, что мы только берем, человек. Мы отдаем куда больше тому, кто умеет взять! Я думаю, ты умеешь...

– Не знаю.

– Соединись со мной!

– Вряд ли я в состоянии...

– Ты только скажи «да» – и больше ни о чем не беспокойся, – уверенно заявила След Прошлого. – Обещаю, тебе будет хорошо!

И она оказалась права. Всё получилось, и получилось неплохо.

«А я действительно крепкий парень! – подумал Олег Саянов получасом позже. – И не только крепкий, но и умный. Теперь они все будут плясать под мою дудку. Если, конечно, таинственная Маат не будет против...»

Глава девятая

Тот-Кого-Изгнали

Первая попытка Саянова покинуть пещеру не удалась. Шествующая и След Прошлого вцепились в него мервой хваткой.

– Там – солнце! – заявила След Прошлого. – Ты хочешь ослепнуть, человек?

Олег не настаивал. Главное – козоногие в принципе не против того, чтобы он покинул пещеру. А коли так, то можно подождать еще несколько часов.

– Расскажи мне о Маат, – попросил он Шествующую. – Это ваша богиня?

– Богиня? Почему ты так решил?

Саянов пожал плечами:

– А разве – нет?

– Ты можешь считать ее богиней, – согласилась Шествующая. – Когда-то она была богиней для Детей Дыма. Спроси об этом След Прошлого. Она знает.

– Спрошу, – согласился Саянов. – Но сейчас я хочу узнать, что есть Маат для тебя.

– Для меня она – не Маат, – сказала козоногая. – Для Древних у нее другое имя.

– Какое? Я могу его узнать?

– Нет! – отрезала Шествующая.

– Почему? Его нельзя произносить вслух?

Олег вспомнил: что-то такое было в какой-то из религий.

– Можно. Но ты всё равно его не воспримешь.

Саянов задумался... Что ж, такое возможно. Не исключено, что диапазон слуха у Древних пошире, чем у людей.

– И все же ты попробуй, – предложил Олег. – Вдруг у меня получится.

– Нет, – вновь отказалась козоногая. – Настоящее имя Маат – это власть над живым. Ты уже слышал его.

– Когда это?

– Имя Маат властвует над живым. Мои сестры связывали тебя ее именем. Или ты забыл?

– Такое забудешь... – пробормотал Олег, вспомнив свою первую встречу с Древними.

– Маат властвует над живым, – раздался другой голос.

След Прошлого. Она присела на корточки рядом с Олегом. Погладила себя между ног.

– Не хочешь соединиться со мной? – простодушно предложила она.

– Позже, – отказал Саянов. – Что значит: «властвует над живым»? Вы произносите ее имя – и человека разбивает паралич?

– Маат дает жизнь. Маат отнимает жизнь, – сказала След Прошлого. – Поэтому власть над живым – ее власть.

– А над мертвым? – спросил Саянов.

Просто так спросил. Без всяких задних мыслей.

Но этот вопрос почему-то привел Древних в замешательство.

Шествующая и След Прошлого переглянулись. На их прекрасных лицах возникло одинаковое выражение, которое можно было бы истолковать так: откуда он знает?

Шествующая начала что-то говорить. На своем языке.

След Прошлого бросила только одно слово. Саянов угадал, что оно означает. «Молчи!» А еще вероятнее: «Заткнись!»

Шествующая осеклась.

След Прошлого устала на Саянова.

Олег уже преподнес им немало сюрпризов. Мало ли что еще есть у него в запасе? Вдруг он настолько продвинул, что и язык Древних теперь понимает?

Увы, так далеко он еще не продвинулся. Пока апгрейд Олега Саянова проходил исключительно на физиологическом уровне. А ведь недурно было бы овладеть и прочими экстраординарными навыками козоногих. Типа: «нам ведом язык всего живого». Или феноменальными способностями к регенерации.

Может, они и мысли читать могут?

Ну нет, это вряд ли. Иначе хрен бы ему позволили взбунтоваться.

– Ты многое знаешь, человек, – сказала След Прошлого.

– Это верно, – согласился Саянов. – Мы, Дети Дыма, как вы выражаетесь, вообще много знаем. К примеру, диффе-

ренциальное исчисление.

Однако дифференциальное исчисление козonoгую не интересовало.

– Может, все-таки соединимся? – предложила она. – Тебе будет приятно.

– Сначала – со мной! – ревниво заявила Шествующая, решительно выпятив дерзко торчащие груди. – Я – первая!

– Ты – первая, – согласилась След Прошлого. – А потом – я. До заката еще много времени. Мы обе успеем соединиться.

«Чистый феминизм, – подумал Саянов. – Мое мнение в расчет не принимается».

Впрочем, он был не против. Тем более что лучшего времяпрепровождения он пока не ожидал. Ничего. Ночью он выберется наружу – и тогда дел будет уже невпроворот. А пока – предадимся разврату.

– Сначала – След Прошлого! – заявил он решительно.

– Я тебе не нравлюсь? – мгновенно огорчилась Шествующая.

– Наоборот. Лучшее – на десерт.

Знала ли она слово «десерт», неизвестно. Но смысл поняла – и сразу расцвела.

А След Прошлого не обиделась. Она была, как заметил Саянов, отнюдь не глупа. И догадалась, что человек просто хочет проявить свою волю. Ну и на здоровье. Особенно если эта воля полностью отвечает желанию Древней...

Когда наступила ночь, Саянов вместе с Шествующей выбрались на поверхность, и Олег с удовольствием вдохнул воздух свободы. Воздух был восхитительно вкусный. А свет узкого серпика луны показался Олегу таким же ярким, как сияние восходящего солнца.

Теперь он понимал, почему Древние не хотели выпускать его днем. От тропического солнца он бы точно ослеп.

– Теперь дневное солнце – не для тебя, – сказала Шествующая, когда Саянов поделился с ней своими мыслями.

В ее голосе слышалось одобрение.

– Солнце ослепляет Древних, – сказала козоногая. – Прежде было не так. Но теперь солнце – для Детей Дыма, а Древним Маат отдала ночь.

– Выходит, я теперь тоже – Древний? – пошутил Олег.

Шествующая не ответила.

Она поймала ящерицу и теперь ела ее. Сырой. Огонь, надо полагать, тоже атрибут Детей Дыма.

Олег улегся на песок. Ему было хорошо. Он глядел в сияющее фиолетовое звездное небо. За такое зрелище не жаль пожертвовать способностью видеть днем. Хотя что значит – пожертвовать? Если дело только в яркости, то вернуть себе возможность гулять при солнечном свете – вопрос чисто технический. Решить его несложно. Темные очки, например. Или – линзы. Снизить эффективность светового потока в несколько десятков раз – вот и вся проблема. В бунгало наверняка найдется всё необходимое.

Шествующая опустилась на песок рядом с Олегом. Потерлась пышной гривой волос о его живот, мурлыкнула, как кошка. В свете луны кожа ее казалась перламутровой. Тонкие пальчики, способные разорвать живую плоть, как ломтик сыра, касались Саянова легче птичьего перышка. Это Олег научил Древнюю человеческим ласкам. Впрочем, Шествующая оказалась очень способной ученицей. Небесноглазая Шэ, никогда не видевшая утреннего неба... Что он для нее? Просто человек? Дающий Семя? Или всё же нечто большее?

Что мог сказать об этом славный парень и способный ученый Олег Тенгизович Саянов? Он и мотивацию обычных женщин понимал с трудом. Вернее, даже не пытался понять. Они приходили и уходили. Некоторые – возвращались, некоторые – нет. Музыкант Саянов не испытывал недостатка в подругах. Ученый Саянов был более разборчив, но все равно не понимал, почему новые подружки, с жадностью вцепившиеся в него и совершенно счастливые в первую неделю, спустя месяц-другой покидали его чуть ли не по собственной инициативе. Наверное, не видели в нем брачной перспективы. По крайней мере так Олег решил – сам для себя. И больше не парился.

Но здесь, на острове, у Саянова было достаточно времени, чтобы обдумать свое прошлое. И у него появилась мысль: а что, если они чувствовали в нем нечто чуждое? Что, если тот, кто тасует карты судеб, пометил карту «Олег Саянов»? Что,

если он, доктор химических наук Олег Тенгизович Саянов, – не из тех, кого Древние называют Детьми Дыма? Основания для этого имелись.

О том, что их семья особенная, Олег знал с детства. С трех лет, когда дед Тенгиз начал его учить «дорожке», начальным движениям фамильного воинского искусства. С тех пор, как на его глазах старший брат Олега влегкую раскидал четверых старшеклассников, каждый из которых был крупнее его... И позже получил выволочку от отца за то, что у одного из агрессоров оказалась сломана кость стопы. Правда, родителей пострадавшего, потребовавших у Тенгиза Тенгизовича компенсацию за «увечье», отец тоже шуганул. Отец работал начальником лаборатории в Институте криминалистики, ездил на рыбалку с начальником РУВД и был в дружеских отношениях с половиной прокурорского и милицейского начальства. Так что «превышение пределов самообороны» не повлекло за собой никаких последствий, кроме еще большего уважения к семье Саяновых со стороны местной молодежи.

Со временем Олег научился сражаться не хуже брата. Дед даже утверждал, что Олег – лучше. Но с точки зрения традиции это значения не имело. Тенгиз был Тенгизом. Старшим, Олег – младшим. Навсегда. И в этом тоже была особенность семьи Саяновых.

Олег как-то спросил, почему в их семье старших всегда

называют Тенгизами.

«Так повелось, – ответил отец. – В честь основателя рода».

«А кто – основатель?» – спросил Тенгиз.

«Чингисхан!» – ответил дед и захохотал.

Олег так и не сумел узнать, сказал дед правду или пошутил.

Но как бы там ни было, а семья Саяновых хранила свои традиции. В том числе – приоритет старших. Никому из братьев даже в голову не пришло бы спорить с отцом. А тем более – с дедом. Даже когда брат стал ворочать миллионами американских долларов, ничего не изменилось. Хотя кто знает: стал бы брат таким крутым без поддержки отца и деда?

Олег отдыхал. Его голова лежала на животе Шествующей. Только что Олег и Древняя замечательно и с обоюдным удовольствием «соединились», и теперь ветерок с моря ласкал Саянова, осушая пот и балуя его ноздри феерическими ароматами тропиков. До рассвета оставалось часа два.

– След Прошлого говорила: раньше вы не прятались, когда всходило солнце, – негромко произнес Олег. – Это правда?

– Не мы. Те, кто жили до нас. Очень давно.

Голос Шествующей был таким же размеренным и глубоким, как шум прибоя.

– Тогда этот мир принадлежал Древним. Тогда Тот-Кого-Изгнали был с нами.

– Тот, кого изгнали? – Это было что-то новенькое.

– Нет. Тот-Кого-Изгнали!

– Не понял. Это – имя?

– Нет. Так зовем его мы, Древние. Сейчас.

– А раньше его звали иначе?

Похоже, у Шествующей не было особого желания поддерживать разговор. Но все же, после долгой паузы, она сказала:

– У него было много имен.

«Ага, – подумал Саянов. – Еще один персонаж здешнего пантеона».

– А почему его изгнали? – спросил Олег.

Его живо интересовала местная мифология. Он чувствовал, что для Древних она весьма значима. Олег отлично знал, что такое традиции. И понимал, что традиции, которым не одна сотня лет, это уже не традиции и даже не образ жизни. За нарушение их адепты-Древние запросто могут убить. А в том, что они – *могут*, Олег не сомневался. Следовательно, чем больше он будет знать, тем больше у него шансов остаться в живых.

Однако козоногая не пожелала ответить.

Тогда Саянов слегка перефразировал вопрос.

– А кто его изгнал? – поинтересовался он.

Древняя фыркнула, спихнула его голову со своего живота и встала на ноги.

Правильнее было бы сказать – вскочила, но Олег знал, что в ее движении не было торопливости. Когда козоногие торопились, они двигались намного быстрее.

Секунда – и Шествующей уже нет рядом.
Вопрос Олега так и остался без ответа.

Глава десятая

Настоящее и прошлое Олега Саянова

Из неровно обломанного пня рвались вверх тонкие побеги. Живучесть у здешней растительности потрясающая. Упавшее дерево, за которым Олег Саянов впервые увидел Древнюю, было сдвинуто в сторону. Саянов в очередной раз удивился невероятной силе козоногих, позаботившихся о том, чтобы освободить тропу.

А вот об останках Жертвующей Ветру не позаботился никто, кроме падальщиков. Ее кости лежали прямо на тропе. Длинные волосы, все еще обрамляющие череп, почернели от пыли.

Кости не интересовали Олега. Он искал саблю. И сразу нашел ее. Древние не потрудились забрать оружие.

Гладкую поверхность клинка кое-где тронула ржавчина: прошло довольно много времени с тех пор, как саблю швырнули в траву. На коже рукояти отпечатались следы зубов какого-то грызуна. Но оплетка практически не пострадала. Видимо, обработанная специальным составом кожа не показала зверьку аппетитной.

Саянов поднял саблю. Оружие было слишком легким. Вес сабли, конечно, остался прежним, это Олег стал сильнее. Однако ему придется потренироваться, чтобы привыкнуть к новым ощущениям. Интересно, прибавилась только сила или

скорость реакции тоже увеличилась? Неплохо бы, а то в сравнении с козоногими Саянов – настоящий тормоз.

Ножны остались в доме. Поэтому, когда Олег побежал дальше, ему пришлось держать саблю в руке. Оружие его не обременяло. Бег Саянова был бегом зверя: легким, быстрым, бесшумным. Его ноздри мерно втягивали воздух, густой от тысяч запахов. Уши ловили множество звуков, удивительно отчетливых, как будто разделенных во времени и пространстве. Олег мог абсолютно точно определить, где шуршит ящерица, а где птичий клюв трудится над ореховой скорлупой. Этот бурлящий котел звуков был для Олега столь же внятен, как для хорошего шеф-повара – букет специй или для дирижера – нота, взятая каждым оркестрантом.

Это было замечательно. Саянов упивался миром, который дарили новые способности.

Бунгало, естественно, возвышалось на прежнем месте. Внешне – почти никаких изменений с тех пор, как рассерженный Саянов покинул его ненадежные стены. Свет, конечно, не горел: за два месяца дизель успел «выпить» все горючее. Да еще стены начали затягивать ползуны, и на вырубке поднялась молодая поросль.

Дверь была открыта. Но едва Саянов сделал несколько шагов по открытому пространству, большой черный ком выметнулся из дома и полетел на него.

Лушка!

Олег засмеялся, протягивая руки...

Выручила обострившаяся реакция.

Клыки собаки лякнули в нескольких сантиметрах от горла Саянова.

– Лушка! – повелительно закричал он и увидел, как сука, изготовившаяся ко второму прыжку, замерла, недоумевающая.

Это существо говорит голосом хозяина, выглядит, как хозяин...

Но пахнет – *чужим!*

Колебалась собака недолго. Угрожающее рычание перешло в хриплый рык, и черный зверь ринулся в атаку.

Саянову пришлось пустить в ход саблю. Конечно, ударил он не острием, а плашмя. И недостаточно сильно.

Лушка взвизгнула, но решимость ее не поколебалась. Собака атаковала снова. Второй удар был более увесистым – суку отбросило метра на два.

«Не зашибить бы...» – подумал Олег.

Но Лушка вновь бросилась на него.

«А еще говорят, будто ньюфаундленды никогда не нападают на людей», – подумал Саянов, уворачиваясь от собачьих зубов.

На самом деле это было не так уж трудно. Олег получил ответ на свой вопрос по поводу ускорения реакции. Ответ положительный. Он запросто перехватывал и отшвыривал суку.

Так они «развлекались» минуты две, а потом Саянов

проголодался. Поэтому после очередного яростного прыжка Лушка оказалась схваченной за шкуру, раскрученной в воздухе и брошенной в растущие шагах в семи кусты.

Пока сука с поистине дьявольским рычанием выдиралась из колючек, Олег покинул поле битвы и помчался вниз по тропе. Лушка пыталась его преследовать, но недолго. Шагов через сто она бросила это занятие и вернулась в бунгало. А Олег Саянов продолжал мчаться с быстротой оленя, пока не оказался на краю обрыва.

Спрыгнув на первую террасу, он отыскал подходящую расселину, спрятал в нее саблю, аккуратно присыпав песочком. Таскать с собой такую саблю без ножен неудобно и опасно. Да и козонагим демонстрировать оружие не стоит – мало ли как они к этому отнесутся. Может, у них есть какой-нибудь сакральный запрет на железо? Не зря же во всяких мифах волшебный народец держится от кузнечной продукции подальше. У Киплинга даже сказка такая есть: «Холодное железо».

К Киплингу Олега приохотил дед. Дед считал Железного Редьярда великим воином. Внук – тоже. И был уверен, что во всякой мифологии сэр Редьярд разбирался намного лучше, чем Олег Саянов.

Так что спрячем-ка мы сабельку подальше. Как говорится: подальше положишь – поближе возьмешь.

Закончив свой нехитрый труд, Саянов спустился на бережок и громко позвал:

– Шествующая! Ты где? Я есть хочу!

Конечно, он не остался голодным. Кормить Дающего Семя – это святое. Обязанность и привилегия. И право на приоритет в интимном общении. Словом, минуты не прошло, как Олег Саянов уже кушал свой десерт.

И в полной мере ощущал, что жизнь прекрасна и удивительна. В первую очередь потому, что в ней есть существа противоположного пола. Пусть даже их стройные ножки немного отличаются от общепринятого стандарта, зато всё остальное...

* * *

Первую подружку Олега звали Светочка Чикина. Она была на полгода старше Саянова и на голову ниже. Росту в Светочке было чуть больше полутора метров. У нее были прямые желтые волосы, маленькое веснушчатое личико и заостренный, хищно изогнутый носик. Пожалуй, ее можно было назвать пикантной. Но назвать ее красивой не решился бы никто. Зато у Светочки имелись отличные ноги, которые она щедро демонстрировала окружающим.

Олег познакомился с ней на школьной дискотеке. В тот вечер на Светочке была такая короткая юбка, что казалось удивительным, как она может прикрывать трусики.

– А ты пошел бы со мной, если б я была в брюках? – спро-

сила она Саянова несколькими днями позже.

– Не знаю, – честно признался он.

В своем кругу Олег считался парнем крутым. По большей части благодаря спортивным и интеллектуальным достижениям. О том, что он весьма привлекателен для прекрасной половины человечества, Олег догадывался, но по молодости и неопытности еще не знал, что с этим делать.

Маленькая Светочка, похожая на подвижную птичку. С точеными ножками и хрипловатым смехом. Она многому научила Саянова. Но за одно Олег был ей особенно благодарен: Светочка Чикина избавила его от постыдного вожделения к будущей невестке.

То есть это тогда считалось, что Алиса – его будущая невестка. Тенгиз на ней так и не женился, хотя Алиса и родила от него сына. Наверное, от отчаяния. Не зная, как еще привязать к себе Тенгиза.

Она даже назвала ребенка Тенгизом – эта семейная традиция Саяновых была ей известна. Тем не менее братец остался холостяком. Правда, сына признал, поддерживал финансово и даже принимал более или менее активное участие в его воспитании.

Алиса была на десять лет старше Олега, и младший брат великолепного Тенгиза был для нее чем-то вроде щенка или обезьянки. Его можно было послать за кока-колой или кремом для загара, но уж никак нельзя было воспринимать как мужчину.

Высокая рыжая белокожая Алиса очень хотела стать смуглой и поджарой. Она приезжала на дачу Саяновых, где Олег летом жил безвылазно, а брат – периодически, и проводила время в ожидании Тенгиза.

Времяпрепровождение Алисы не отличалось разнообразием. Она или готовила что-нибудь вкусное, или загорала на лужайке позади дома. Причем загорала исключительно *топлес*, то есть в одних крохотных трусиках, из-под которых выбивались рыжеватые пружинистые волосы. А поскольку просто загорать ей было скучно, то она звала Олега и болтала на всякие интересующие ее гламурные темы. Олега ее болтовня интересовала не больше стрекотания кузнечиков, зато его очень интересовали ее чуть подрумянившиеся на солнце крупные груди с плоскими коричневыми сосками. А когда Алиса, чисто машинально и бесцельно, не открывая глаз, начинала поглаживать бедро сидящего рядом подростка, рот Олега наполнялся слюной, а плавки едва не лопались.

Вряд ли Алиса задумывалась над тем, что делает. Как сказано выше, Олег был для нее чем-то вроде щенка или обезьянки.

Окажись Светочка Чикина рядом с Алисой, она смотрелась бы довольно посредственно. Но именно благодаря Светочке Олег Саянов вступил на тропу «великой мужской охоты». И для этого преображенного Олега Алиса перестала быть эталоном женщины. Она, безусловно, была очень хороша, но (зачем скрывать очевидное?) довольно-таки глупа. Да

и немного старовата для такого парня, как он.

Впрочем, в это лето Алиса перестала приезжать на их дачу. А к Новому году у Олега появился племянник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.